

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МАРТЪ, 1902

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Путевые очерки 1898 г.).

I.

Кулябъ.

УТРО. Мы въ концѣ долины Яхъ-су ¹⁾. Впереди ждетъ Кулябъ, главный городъ богатой кулябской провинціи, Хоталанъ-Бабера. Южное солнце палитъ немилосердно, вѣтерка нѣтъ и въ поминѣ. Дорога ровная и гладкая, «какъ длани самосущаго Бога-Питателя», по живописному выраженію нашего каратегинца Ходжи-Назара; порою она пропадаетъ въ придорожныхъ заросляхъ, порою опять открывается причудливыми зигзагами и опять пропадаетъ. По невысокимъ горамъ, замыкающимъ очень широкую долину,—желтыя

¹⁾ Рѣка Яхъ-су, или на нѣкоторыхъ картахъ неправильно обозначаемая чрезъ «Акъ-су»,—одинъ изъ значительныхъ притоковъ Аму-Дарьи съ правой стороны. Ея широкая, удобопроходимая долина, заключенная между невысокими горами, искони служила легчайшимъ путемъ въ горныя области Бухары. Большинство народонаселенія долины Яхъ-су составляютъ арабы племени «курайшъ». Ихъ всего здѣсь 1.000 домовъ, начиная отъ кишлака «Тальбаръ», въ верховьяхъ рѣки, до кишлака «Сары-Пуль» включительно. Они себя считаютъ потомками первыхъ арабовъ, завоевавшихъ Среднюю Азію. Теперь эти давніе выходцы изъ Арабістана утратили родные обычаи, костюмъ и языкъ и говорятъ по-таджикски. Слово «Яхъ-су», или, вѣрнѣе, «ѣгъ-су», по ихъ объясненіямъ, есть тюркское и значитъ «рѣка враговъ». Орды тюрковъ, нахлынувшія на Аму-дарьинскіе оазисы, проникли и сюда; здѣсь арабы долгое время оказывали имъ упорное сопротивленіе, почему пришельцы, будто бы, и дали рѣкѣ, на которой обитали арабы, названіе «Рѣка враговъ» (ѣгъ-су). Дѣйствительно, слово ягъ, ѣгъ, на восточно-тюркскихъ нарѣчіяхъ означаетъ врага, измѣнника, обще-тюркское же «су» значитъ вода.

нивы сжатыхъ хлѣббовъ, засохшія желтыя травы, внизу—на нѣсколько верстъ отходящей отъ рѣки берегъ, залитый густою зеленью риса, камышей и деревъ. Рисовыя поля обступаютъ справа и слѣва путь, высокія заросли камышей куртинами поднимаются здѣсь и тамъ, тополи, платаны и свѣчеобразныя чинары порою цѣлыми лѣсами мелькаютъ вдаль и обозначаютъ скрытые за ними и въ нихъ кишлаки ¹⁾. Чуть видной серебристой лентой вдаль блестятъ воды Яхъ-су, за ними туманными призрачными очертаніями, смутно рисуются горы далекаго зарѣчья, а вдаль, на самомъ горизонтѣ, на грани бѣлаго тумана, скрывающаго остальную, дальнюю часть картины, виднѣются длинныя, поперечной лентой протянувшіеся, сады Куляба. Ёдемъ прямо на нихъ. Въ кишлакѣ «Даханѣ» остановились позавтракать. Въ такую жару подъ испопскими чинарами тѣнь особенно пріятна. На разостланныхъ паласахъ ²⁾ стоятъ громадныя блюда съ дымящимся превосходнымъ пилавомъ и лежатъ въ живописномъ безпорядкѣ сочныя дыни, арбузы и гроздья зрѣлаго чернаго и розоваго винограда, покрытые золотистымъ пушкомъ нѣжныя персики соблазнительно глядятъ съ деревянныхъ лотковъ попережку съ большими кроваво-красными гранатами. Безвозмездное гостепріимство «благородной Бухары» замѣчается и въ ея отдаленныхъ провинціяхъ.

Окружающія насъ фізіономіи, съ разнообразными типичными чертами, и узбекскій говоръ, какъ-то неожиданно смѣшившіе доселѣ наблюдавшіеся иранскіе типы и таджикскій языкъ, показывали, что мы попали туда, гдѣ на смѣну доселѣ господствующему таджикскому населенію выступали другія народности, разнообразныя, но немногочисленныя. И, дѣйствительно, начиная нѣсколько выше отсюда, до самаго конца населенныхъ мѣстъ всей рѣчной системы Яхъ-су, смѣшеніе національностей невообразимо. Мѣстные таджики, узбеки и туркмены различныхъ племенъ, киргизы, афганцы, бадахшанскіе таджики, тюрки изъ Афганскаго Туркестана—все это, въ большинствѣ случаевъ, невольные выходцы сюда изъ того буфера, который поставленъ противъ Россіи коварными «инглизъ», и который называется Афганистаномъ. Въ этихъ мѣстахъ, на пространствѣ громадныхъ, почти безлюдныхъ пустырей, бухарское правительство и отвело имъ мѣсто для поселенія. Добрую половину этого сброда растеряли по пути различныя Абдуръ-Рахманъ-ханы и Исхакъ-ханы ³⁾, во время оно бѣжавшіе то въ Бухару, то въ Россію, и увлекшіе за собою, какъ это водится на востокѣ,

¹⁾ Кишлакъ, или кишлѣкъ—селеніе, деревня.

²⁾ Паласъ—ковёръ безъ ворса.

³⁾ Абдуръ-Рахманъ-ханъ—недавно умершій эмиръ Афганистана; прежде жилъ въ Ташкентѣ, получая отъ русскаго правительства 18,000 рублей. Исхакъ-ханъ—племянникъ эмира, претендентъ на афганскій престолъ, нынѣ живетъ въ Самаркандѣ, получая отъ русскаго правительства также значительную субсидію.

цѣлыя ненужныя толпы послушныхъ имъ приверженцевъ. Если же къ упомянутымъ народностямъ еще прибавить небольшое количество цыганъ, индусовъ и евреевъ, то, кажется, перечисленіе національностей, сгруппированныхъ здѣсь, будетъ закончено. Сами туземцы называютъ эту смѣсь однимъ общимъ терминомъ «аралашъ»¹⁾, то есть смѣсь, кавардакъ. Обособленность «аралаша», составляющей населеніе низовьевъ долины Яхъ-су, отъ сосѣднихъ узбековъ и таджиковъ выражается въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ ней послѣднихъ и въ нѣкоторыхъ анекдотахъ, рисующихъ недальновидность этого смѣшаннаго населенія. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ ходячихъ рассказовъ, въ дословномъ переводѣ съ узбекскаго, какъ его рассказывалъ мнѣ нашъ махрамъ-бекъ²⁾.

«Было время, когда жители низовьевъ Яхъ-су подчинялись балхскому хакиму³⁾ и платили подати, по обычаю, натурою. Разъ привезли они къ нему подать, а онъ ихъ, между прочимъ, и спрашиваетъ: «хороша ли ваша страна?»—«Нѣтъ»,—отвѣчаютъ они:—«холодное время—зима—долго стоитъ: мѣсяца два—три. Вотъ если бы ты намъ далъ такую грамоту, которой запретилъ бы быть холоду!» Засмѣялся хакимъ и написалъ имъ такую грамоту. Обрадовались жители Яхъ-су, взяли эту грамоту, воротились домой и ничего не стали заготовлять на будущую зиму: ни дровъ, ни хлѣба, въ надеждѣ, что по указу балхскаго хакима зимы не будетъ. Но зима пришла попрежнему, повалилъ снѣгъ. Изумился народъ: какъ это зима не слушается приказанія хакима? Вышли они изъ хижинъ, держа грамоту хакима и показывая ее небу, откуда падали хлопья снѣга.—«Не падай ты, снѣгъ»,—умоляли люди:—«не начинай зимы: у насъ и указъ есть тебѣ отъ балхскаго хакима, чтобы ты совсѣмъ у насъ не появлялся».

«Но не послушатся зима ни указа, ни словъ жителей: снова пришла такая же суровая, какъ и всегда, и тяжело досталось людямъ, не приготовившимся къ ея приему и легкомысленно понадѣявшимся на грамоту хакима изъ Балха».

Когда мы кончили завтракъ, махрамъ-бекъ, сидѣвшій вдали, началъ многозначительно поглядывать на меня и подмигивать, давая понять, что пора ѣхать. Говорю объ этомъ своимъ спутникамъ.

Охъ, какъ не хочется подниматься и выходить изъ-подъ этой гостепріимной тѣни опять въ пекло! Но дѣлать нечего, да и ло-

¹⁾ Отъ тюркскаго глагола «аралашъ»—смѣшать, соединить, взбудоражить.

²⁾ Махрамъ—названіе одного отдѣленія дворцовыхъ чиновъ при бухарскомъ дворѣ, въ составъ котораго входитъ восемь различныхъ должностей,—соотвѣтствуетъ нашему камеръ-юнкеру.

³⁾ Балхъ, древній Бактры, главный городъ Бадахшана, нынѣ его развалины находятся верстахъ въ 10—12 отъ Мазари-Шарифа, одного изъ значительнѣйшихъ афганскихъ городовъ. Хакимъ—губернаторъ, намѣстникъ, правитель.

шади наши стоятъ готовыя у глинобитной площадки, гдѣ находимся мы; ихъ уже держатъ подъ уздцы нѣкоторые изъ челяди аксакала. Подходимъ, стремянные подобострастно держатъ стремя и почтительно подсаживаютъ насъ на коней. Слѣдуютъ обоюдныя рукопожатія: «чтобы Богъ былъ вашимъ покровителемъ, чтобы Его ангелы осѣнили васъ своими крылами въ этотъ жаркій день». Въ надеждѣ на исполненіе такихъ прекрасныхъ пожеланій бодро трogaемъ лошадей, выѣзжаемъ изъ тѣни деревъ и ѣдемъ по палящему жару по дорогѣ къ Кулябу. Копыта лошадей неслышно ступаютъ по мягкой сѣропепельной печвѣ; струйки пыли курятся изъ-подъ ихъ ногъ и обдають наши скромные костюмы и адрасные ¹⁾ халаты и бѣлоснѣжные тюрбаны нашихъ спутниковъ - бухарцевъ. Махрамъ-бекъ въ дорогѣ шолковомъ халатѣ и затѣйливо-вышитыхъ красныхъ кожаныхъ штанахъ ѣдетъ далеко впереди вмѣстѣ съ сопровождающимъ насъ до Куляба аксакаломъ изъ Дахана. До слуха долетаютъ обрывки ихъ фразъ, по которымъ можно заключить, что нашъ чиновникъ толкуетъ своему спутнику о какихъ-то доблестяхъ ѣдущихъ сзади урусовъ. Бухарскій этикетъ имѣетъ слабость увеличивать достоинство и знатность пріѣзжихъ чужестранцевъ.

Подъ солнцемъ изумрудными переливами сверкаютъ рисовыя поля, блестятъ узенькія полоски арыковъ, бороздящихъ здѣсь и тамъ всю безпредѣльную ширь развернувшейся предъ глазами зелени. Освѣщенные солнцемъ вдали справа и слѣва, обнаженные бурые холмы кажутся еще безжизненнѣе и печальнѣе и еще рѣзче отбѣняютъ разстилающіеся у ихъ подножій цвѣтушія поля, камыши и лѣса кишлачныхъ деревьевъ. На горизонтѣ бѣлая пелена тумана рѣдѣетъ, начинаютъ выступать задернутые воздушной синевой ряды деревьевъ, и чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ, тѣмъ они дѣлаются все яснѣе.

Вотъ отъ нихъ отдѣляется кавалькада всадниковъ. Яркіе цвѣтные халаты и бѣлыя чалмы особенно рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ зелени, обнаженныхъ бурыхъ мѣстъ и пыльной дороги. Порою нестерпимо сверкаетъ отблескъ солнца на какомъ либо металлическомъ украшеніи всадника. Махрамъ-бекъ и сопровождающій его аксакаль погоняютъ лошадей и, скрывшись въ облакъ окутавшей ихъ пыли, несутся впередъ къ выѣхавшей намъ встрѣчѣ. Подъѣзжаемъ ближе, вдали рѣдѣетъ пыль, всадники остановились; видно, какъ махрамъ-бекъ и аксакаль сходятъ съ лошадей, пѣшими подходятъ къ всаднику, безстрастно сидящему на росломъ черномъ конѣ, и подобострастно обѣими руками берутъ протянутую имъ правую руку. Свита же этого всадника (человѣкъ пять-шесть) вся спѣшилась и привѣтствуетъ эмирскаго чиновника и аксакала. И

¹⁾ Адрасъ—цвѣтная полушелковая бухарская ткань.

тотъ, и другой переходятъ изъ крѣпкихъ объятій одного въ объятія другого. Всадникъ на большой лошади—сынъ кулябскаго «міра» (губернатора), выѣхавшій встрѣтить гостей. Какъ важная особа, онъ не слѣзаетъ съ лошади и привѣтствуетъ гостей на конѣ. По бухарскимъ понятіямъ обмѣняться привѣтствіями, не слѣзая съ лошадей, могутъ только лица, равныя по положенію. Вотъ и мы подъѣзжаемъ къ встрѣчѣ. Якубъ ¹⁾, Ходжа-Назъръ и другіе сопровождающіе насъ чалмоносцы всѣ слѣзаютъ съ коней, мы остались, какъ были, и одинъ за другимъ подъѣзжаемъ и жмемъ руку губернаторскому сыну. Что за лицо! Желтое, безкровное, рябое и вдобавокъ съ рѣдкой растительностью; небольшіе коричневыя глаза глядятъ надменно и какъ-то плутовски. Не будь этой восточной личины мнимой безстрастности, какъ было бы гордо и презрительно выраженіе этого лица по отношенію къ намъ, «невѣрнымъ пришельцамъ изъ далекой, невѣрной Руси»! На нашемъ новомъ знакомцѣ шелковый, крупными полосами, халатъ, опоясанный широкимъ поясомъ малиноваго бархата, и бѣлоснѣжная чалма изъ англійской кисеи, ноги, обутыя въ щегольскіе лакированные сапоги русскаго образца, вдѣты въ ярко высеребренные стремяна.

Послѣ обмѣна привѣтствій ѣдемъ всѣ вмѣстѣ впередъ. Разговоры умолкаютъ, и всѣ сосредоточенно молчатъ до самаго Куляба. Вотъ и городъ. Изъ-за богатѣйшей растительности мелькаютъ глиняныя стѣны построекъ. Очарованіе понемногу исчезаетъ. Казавшійся прекраснымъ садомъ Кулябъ постепенно разворачиваетъ предъ глазами свое убожество. Начались городскія предмѣстья; жалкія глиняныя лачуги образуютъ узкія, кривыя улицы. Въ нихъ пыль и духота нестерпимы. У арыковъ съ водою, подлѣ хижинъ и подъ деревьями—массы стоящаго, идущаго и ѣдущаго люда. Ъдутъ съ головы до ногъ закутанныя въ темное женщины на бойкихъ сѣрыхъ осликахъ, скрипятъ арбы на своихъ громаднхъ колесахъ, легкою иноходью проходятъ темнокараковые скакуны, неся на спинахъ всадниковъ въ живописныхъ костюмахъ. Толпы народа проходятъ и уходятъ, другіе стоятъ или сидятъ. И все это: и животныя, и люди въ своихъ яркихъ, кричащихъ одѣяніяхъ, и глиняныя лачуги, и придорожные тополи и платаны, и одиноко-стоящіе шапкообразные карагачи, и вода въ арыкахъ—все залито жгучими лучами горячаго азіатскаго солнца, все такъ назойливо рѣжетъ непривычный глазъ своею пестротой и кричитъ на каждомъ шагу объ иной, чуждой намъ жизни.

Предмѣстья какъ-то незамѣтно сливаются съ городомъ, и мы въѣзжаемъ на обширную городскую площадь, обставленную глиняными мазанками и неизмѣнною роскошною растительностью, скрывающею все ничтожество человѣческихъ жилищъ и окружающую

¹⁾ Нашъ караванъ-баши (проводникъ), персъ-шіитъ изъ Самарканда.

ихъ грязь. Среди площади двѣ длинныхъ шеренги солдатъ, одѣтыхъ по-русски: въ бѣлыя рубахи, красные кожаные штаны и высокіе сапоги, на головахъ у нихъ барашковые шапки. За ними, въ глубинѣ площади, подъ тѣнью высокихъ деревьевъ, многочисленная разнообразная публика стоящаго и сидящаго люда. Эти собрались посмотрѣть на даровую «тамошу» (зрѣлище), какою представляется каждому туземному правовѣрному въѣздъ «урусовъ» въ городъ. Слышится протяжная команда на русскомъ языкѣ¹⁾. Солдаты берутъ ружья на-караулъ и вытягиваются въ струнку. Раздается оглушительная музыка изъ пискливыхъ звуковъ дудокъ и трескотни барабановъ. Съ такимъ парадомъ встрѣчаютъ гостей по приказанію мира.

Каждый изъ насъ, «урусовъ», прикладываетъ правую руку къ своей сѣрой киргизской шляпѣ, и мы ѣдемъ, отдавая честь, вдоль длинныхъ шеренгъ бухарскихъ солдатъ: Якубъ, Ходжа-Назаръ и другіе туземцы, ѣдущіе за нами, подавлены величественностью встрѣчи и какъ-то смиренно плетутся на своихъ лошадяхъ, не поднимая глазъ на окружающее. Губернаторскій же сынъ со своей свитой, махрамъ-бекъ и аксакалъ покинули насъ еще при въѣздѣ въ городъ и теперь дожидаются насъ въ «аркѣ» (дворцѣ) губернатора.

Вотъ и ворота «дворца». Соломенная крыша надъ губернаторскими покоями и окружающими ихъ постройками мѣстами провалилась и зілетъ своими темными отверстіями; глиняныя стѣны расстрескались и образовали широкія щели. Словомъ тотъ же самый видъ, что и у любого зауряднаго бухарскаго «хона» (жилища).

Черезъ раскрытыя ворота, подлѣ которыхъ насъ встрѣчаютъ нѣсколько десятковъ разодѣтыхъ чиновниковъ и слугъ, мы въѣзжаемъ на громадный дворъ. Все кругомъ суетится, кричитъ. Встрѣтившіе насъ подлѣ воротъ люди и находящіеся на дворѣ, что называется, сбились съ ногъ: бѣгаютъ взадъ и впередъ, берутъ подъ уздцы лошадей, помогаютъ слѣзть, прямо на рукахъ стаскивая съ сѣдла и почтительно ставя на землю. Среди этой суетни и сутолоки насъ, пыльных и измученныхъ, ведутъ по двору, занятому многочисленными службами, въ отведенное намъ помѣщеніе—длинный флигель среди двора съ большимъ числомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Предъ нимъ невысокая глинобитная веранда съ развѣсистыми чинарами и исполинскими карагачами; на ней махрамъ-бекъ и толпа людей въ пестрыхъ халатахъ. Они ждутъ насъ, чтобы показать отведенные покои. Богатый костюмъ махрама выгодно выдѣляется изъ окружающей его толпы. Лицо чиновника сосредоточено и важно. Не то онъ весь проникнутъ серьезностью настоящей минуты, не то хочетъ не ударить лицомъ въ грязь передъ окружающими его

¹⁾ Среди бухарскихъ войскъ введена русская команда.

провинціалами и показать, что за персона эмирскій чиновникъ изъ Священной Бухары. Строго блюдетъ махрамъ-бекъ предписанія фирмана своего повелителя, и вездѣ впереди онъ, чтобы прїѣзжали гости ко всему готовому и хорошему, и чтобы не чинилось имъ никакихъ притѣсненій и обидъ.

Входимъ на террасу. Махрамъ даетъ знакъ,—люди раздвигаются. Въ предшествіи махрама идемъ въ одну изъ настѣжъ растворенныхъ дверей, за нами движется сомкнувшаяся толпа. Проходимъ небольшую переднюю съ глинобитнымъ поломъ и нѣсколькими кувшинами для воды, и чтобы не стукнуться головою о притолоку, нагибаемся и входимъ чрезъ низкую дверь въ слѣдующую комнату. Махрамъ-бекъ дѣлаетъ низкій, ловкій поклонъ и, безмолвнымъ красивымъ жестомъ показывая на обстановку, отходитъ въ уголъ. Сопровождавшая насъ толпа биткомъ набиваетъ переднюю и смотритъ отсюда на насъ. Мы находимся въ длинной оштукатуренной комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и неизмѣнными нишами въ стѣнахъ. Глинобитный полъ весь устланъ дорогими персидскими и текинскими коврами, стѣны до половины завѣшены знаменитыми кашгарскими коврами, громадной величины и чудной работы. По стѣнамъ три тахты для насъ, покрытыхъ парчевыми одѣялами и съ круглыми длинными подушками въ наволочкахъ изъ адраса. Среди комнаты длинный столъ, накрытый красной скатертью, передъ нимъ табуреты, задержанные кумачемъ. На столѣ самый разнообразный достарханъ: нѣсколько чайниковъ съ чаемъ и горячею водою, сахаръ, индійскія, афганскія и мѣстныя конфеты, пшеничныя лепешки на бараньемъ салтѣ, пшеничныя круглые хлѣбы, варенье изъ вишневой кожицы и фрукты, фрукты безъ конца.

Рядъ богато орнаментированныхъ рѣзныхъ дверей ведетъ на террасу, надъ ними—надворныя рѣшетки затѣйливаго рисунка, заклеенныя промасленною бумагою. Золотистые солнечные лучи, заглядывая въ щели неплотно притворенныхъ дверей, ослѣпительно мелькаютъ то на адрасѣ халатовъ и бархатѣ ковровъ, то на эмалированномъ китайскомъ фарфорѣ. Съ усталости ли или на самомъ дѣлѣ, кажется какая-то особенная поэзія въ этомъ прохладномъ полусвѣтѣ оригинальной комнаты.

Мы садимся за столъ. Махрамъ откланивается, пятясь спиною къ дверямъ, выходитъ изъ комнаты и затворяетъ за собою обѣ половинки дверей, но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется и почтительно докладываетъ, что къ намъ жалуетъ миръ. Хватаешь скинутый пиджакъ, торопливо надѣваешь его и идешь вмѣстѣ съ спутниками къ дверямъ навстрѣчу миру. А тотъ уже входитъ въ растворенныя двери, за нимъ свита изъ его чиновниковъ. нѣтъ лишь его сына, который встрѣчалъ насъ за городомъ. Шелкъ и бархатъ халатовъ, бѣлоснѣжныя тюрбаны такъ и блеснули передъ глазами красивыми переливами.

По бухарскому придворному этикету миры встрѣчаютъ гостей не за городомъ, а у себя въ домѣ, или же дѣлаютъ имъ визитъ въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи.

Самъ миръ, почтенный старецъ съ мягкими, полными достоинства манерами, напоминаетъ нашихъ сіятельныхъ старичковъ вышившихъ петербургскихъ канцелярій. На немъ роскошный блѣдно-розовый халатъ изъ китайской «камфы» ¹⁾, опоясанный поясомъ, бѣлая кашемирская шаль пышно обвиваетъ его голову.

Съ сладкой улыбкой миръ подаетъ каждому руку и сыплетъ по-узбекски неизмѣнными на востокѣ привѣтствіями: «какъ поживаете? Какъ сдѣлали путь? Довольны ли всѣмъ?» и т. п. Его свита между тѣмъ входитъ въ комнату и безмолвно становится у дверей. Садимся за столъ. За миромъ помѣщается за переводчика нашъ Якубъ, за г. N. переводчикъ мира. По ту и другую сторону стола становятся двое слугъ съ широкими бархатными опахалами, отдѣланными золотымъ галуномъ и пристроенными на изящно выточенныхъ ручкахъ въ формѣ ручныхъ флаговъ. Во все время пребыванія у насъ мира они навѣвали прохладу и кстати отгоняли рои большихъ мѣстныхъ осъ, которыя влетали въ комнату и кружились надъ столомъ. Миръ пьетъ чай небольшими глотками и разспрашиваетъ о различныхъ предметахъ, больше для того, чтобы что нибудь сказать. Отвѣты выслушиваетъ съ добродушною, полуразсѣяною улыбкою. За время короткаго визита миръ успѣлъ наговорить и комплименты по адресу насъ и вообще русскихъ, и поинтересовался узнать, что теперь въ Россіи, каковы ея отношенія къ «сосѣдямъ-франкамъ», и каково ея финансовое и экономическое положеніе? И нельзя сказать, чтобы это выходило у него не кстати, и вопросы сыпались бы беспорядочно: какъ и всѣ вообще бухарскіе сановники, кулябскій миръ являлся человекомъ съ большимъ тактомъ и въ высшей степени приличнымъ.

Наконецъ, извиняясь, что уставшимъ съ дороги путникамъ надо отдохнуть, губернаторъ поднимается, за нимъ и всѣ сидящіе за столомъ. Прощаясь, миръ проситъ насъ погостить въ Кулябѣ недѣлю-двѣ. Говоримъ, что воспользуемся его любезнымъ приглашеніемъ и, если можно, останемся дней пять-шесть. Слѣдуетъ отвѣтъ, подправляемый обворожительной улыбкой, что намъ должно здѣсь отдохнуть по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ. Послѣ обоюдныхъ благодарностей и рукопожатій миръ удаляется, съ величавымъ достоинствомъ и какою-то особенною неторопливою граціей умѣло и ловко пятясь задомъ къ дверямъ. Его свита безшумно раздвигается передъ нимъ, пропускаетъ его и, сдѣлавъ намъ прощальный поклонъ, удаляется за своимъ господиномъ съ тѣми красивыми манерами,

¹⁾ Камфа—толстая широкая (18 вершк.) китайская шелковая матерія, покрытая цвѣтами или различными фантастическими животными.

которыя сдѣлали бы честь любому изящному петиметру салоновъ восемнадцатаго столѣтія.

Минуть черезъ пять-десять послѣ ухода мира пришли съ визитомъ офицеры Кулябскаго гарнизона. Этихъ было трое. На каждомъ бѣлый китель русскаго покроя, красныя сафьянныя брюки запряты въ высокіе сапоги, на головѣ широкодонныя, барашковыя шапки. У всѣхъ шпаги и по ордену бухарской звѣзды; у полковника второй степени, у остальныхъ—низшихъ степеней. Поздоровавшись съ нами точно такъ же, какъ и наши офицеры, гости усѣлись за чай. Полковникъ, судя по типу и по тому акценту, съ какимъ онъ говоритъ по-таджикски, повидимому, узбекъ, онъ держитъ себя вполне прилично и говоритъ за всѣхъ. Двое же его спутниковъ во все время не проронили ни слова. На наше замѣчаніе о молодецкой выправкѣ кулябскихъ солдатъ не въ примѣръ плохимъ войскамъ хисарскаго кушъ-беги ¹⁾ физиономіи нашихъ посѣтителей расцвѣтаютъ, но полковникъ скромно замѣчаетъ, что, правда, у кушъ-беги солдаты должны были бы быть лучше, чѣмъ у нихъ въ Кулябѣ, но это объясняется тѣмъ, что Хисаръ сравнительно далеко отъ границы Афганистана, и потому на случай какихъ либо осложнений съ «афганами» и «коварными инглизи» пойдутъ въ дѣло войска Дарваза, Куляба и вообще пограничныхъ съ Афганистаномъ бухарскихъ провинцій. По этому-то на эти войска и обращено особое вниманіе. Посидѣвъ съ четверть часа, офицеры раскладываются и уходятъ.

Благодаря посѣтителямъ, мы еще не умылись и не переодѣлись съ дороги. Сдѣлавъ это и достаточно отдохнувъ, выхожу на веранду и осматриваюсь: кого бы изъ нашихъ людей взять съ собою побродить по городу. Никого нѣтъ, должно быть, всѣ ушли на базаръ. Къ счастью, откуда-то вывернулся Якубъ; приглашаю его и иду съ нимъ. Проходимъ темными переходами подъ аркой «дворцовыхъ» воротъ. По стѣнамъ развѣшана большая коллекція старыхъ кремневыхъ ружей, засиженныхъ голубями. Видимо онѣ давно сданы въ архивъ и неизвѣстно для чего тутъ находятся. Десятка же два солдатъ, стоящихъ здѣсь въ двѣ шеренги на часахъ, вооружены хорошими русскими берданками. Проходимъ пустую площадь передъ «дворцомъ», идемъ пустынными узкими, кривыми улицами и выходимъ на базаръ — многочисленные, длинные ряды лавокъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ. Особеннаго нѣтъ ничего, ничего похожаго на базары Бухары или Самарканда. Ни такихъ товаровъ, какъ тамъ, ни такого народа. Здѣсь сейчасъ нѣтъ ни души. Продавцы сидятъ, апатично поглядывая по сторонамъ, а то просто спятъ или собрались двое-трое и играютъ въ

¹⁾ См. мою книгу «На рубежѣ Афганистана», 1 вып. «Въ благодатномъ Хисарѣ». Изд. 1900 г.

шахматы. Быть можетъ, вслѣдствіе жары такое безлюдье, а базары здѣсь не съ крышами, какъ Бухарѣ.

Вонъ сидятъ купцы, по типу и по костюмамъ напоминающіе афганцевъ. Подхожу къ ихъ лавкамъ, въ которыхъ развѣшаны халаты, рубашки, лежатъ куски англійской кисеи для тюрбановъ съ клеймами англійскихъ фабрикъ, индиго и другіе товары. Заговариваю, просятъ садиться и предлагаютъ чай. Таджикскимъ нарѣчіемъ плохо говорятъ, а персидскимъ языкомъ съ немалымъ числомъ архаическихъ формъ; перехожу на знакомый мнѣ испанскій діалектъ, и бесѣда къ обоюдному удовольствію ведется свободно. Новые знакомые оказываются индійскими персами («фаршикѣ», какъ они называютъ себя) изъ Пеншавера и британскими подданными. Въ Кулябѣ ихъ нѣсколько человѣкъ, и они торгуютъ индійскими и англійскими товарами. И на родину ѣздятъ и съ родины везутъ сюда товаръ окружнымъ путемъ, то-есть чрезъ Индійскій океанъ, Суэцкій перешеекъ, Средиземное и Черное моря и Россію, потому что «Абдуръ-Рахманъ-ханъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ заперъ свою страну отъ всѣхъ чужеземцевъ, даже отъ инглизовъ и ихъ разноплеменныхъ подданныхъ и никого не пускаетъ ни въ свою землю, ни черезъ Афганистанъ въ другія страны». Зная, что эта мѣстность Бухары богата развалинами древнихъ городовъ, я, между прочимъ, спрашиваю, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо древностей. Говорятъ отрицательно. Иду дальше по лавкамъ, высматривая, что бы купить. Рѣшительно не на чемъ остановиться: все такая дрянь. Правда, для нумизмата здѣсь было бы раздолье. Во всѣхъ почти лавкахъ этихъ купцовъ таджиковъ и узбековъ навалены цѣлыя груды старой мѣдной монеты и при томъ... русской. Есть рѣдчайшіе экземпляры не только царей московскаго періода, но и различныхъ великихъ князей. Попадаютъ также и серебряныя монеты великокняжескія, царскія и императоровъ и императрицъ восемнадцатаго столѣтія. Покупайте сколько хотите и все за гроши. Сами владѣльцы этихъ богатствъ съ полною готовностію и любезностію помогаютъ разбирать эти груды монетъ. Какъ зашли сюда эти деньги,—объяснить не берусь.

Исходили съ Якубомъ всѣ базары и заглянули въ старое городское медресе, «единственную достопримѣчательность Куляба», по словамъ встрѣчныхъ горожанъ. Но мѣстный храмъ науки не представлялъ ровно ничего особеннаго. Это просто небольшое мизерное и убогое зданіе съ куполообразною крышею, съ облупившеюся штукатуркою и безъ всякихъ украшеній. Сидѣвшіе въ небольшой прохладной залѣ «суфи» (студенты) объяснили намъ, что это зданіе перестроено лѣтъ около ста тому назадъ изъ большого медресе, сооруженнаго при Абдуллахъ-ханѣ¹⁾.

¹⁾ Абдуллахъ-Багадуръ-ханъ, сынъ Искандаръ-хана, правитель Мауарунъ-Нахра (Средней Азіи) съ 1583 г. по 1598 г. по Р. Х.

— Почему же, — спросилъ я, — не поддержали старое зданіе? Оно, навѣрное, было лучше и болѣе просторно, какъ и всѣ сооруженія Абдуллаха.

— Конечно, тюря, лучше, — отвѣчали мои собесѣдники, — но при покойномъ эмирѣ Мурадѣ-Маасумѣ ¹⁾ не особенно дорожили зданіями, и при томъ понадобилось постронть городскія бани; кирпича негдѣ было взять, и вотъ разобрали старое медресе. Большую часть кирпича употребили на бани, а изъ остальнаго построили это медресе.

Что можетъ быть картиннѣе этого примѣра безразсудной государственной экономіи: тратить какъ можно меньше денегъ на сооруженіе общественныхъ зданій?! Нужно постронть бани — слѣдуетъ разобрать большое старое медресе, изъ него выйдетъ и то, и другое. Просто и экономно.

Великій шейбанидѣ, Абдуллахъ-ханъ, воздвигалъ великолѣпныя мечети, дворцы и училища, строилъ при дорогахъ обширныя каравансарай, прокладывалъ дороги, словомъ всячески заботился объ упорядоченіи своего государства, монашествующій же ханжа, эмиръ Маасумъ, надѣленный придворными льстецами пышнымъ титуломъ ²⁾, носившій дырявое рубище, ѣвшій разъ въ день скудную пищу, жившій въ грязи и цѣлые дни проводившій въ молитвѣ и богомыслии, не только ничего не строилъ вновь, но даже совершенно прекратилъ отпускъ необходимыхъ суммъ на поддержаніе старыхъ зданій. Эта де расточительность подрываетъ благосостояніе царства. Такихъ же взглядовъ, къ сожалѣнію, держались и всѣ послѣдующіе преемники этого вѣнценоснаго нищенствующаго святоши. И въ концѣ концовъ нынѣ въ Бухарѣ видны лишь слѣды нѣкогда благоустроенныхъ дорогъ, остались засоренныя негодныя колодцы, полуразрушенныя каравансарай съ кучами въ нихъ навоза и сора, разваливающіеся порталы медресе, дворцовъ и мечетей, или же лежащія въ прахѣ развалины цѣлыхъ городовъ. Только эти плачевныя остовы былаго величія съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ разноцвѣтными изразцами напоминаютъ нынѣ путнику о результатахъ этой своеобразно понятой «государственной экономіи, и о былыхъ счастливыхъ временахъ процвѣтанія и благоденствія священной Бухары».

Sic transit gloria mundi!

Походили съ Якубомъ еще по городу. Всюду одна и та же пустыньность, унылый видъ, и ничего особеннаго и привлекательнаго. Пора домой: близится вечеръ, да и усталость даетъ себя чувствовать.

На дворѣ губернаторскаго дома, куда мы пришли, на невысокой

¹⁾ Эмиръ Маасумъ, сынъ Даніаль-хана, царствовалъ съ 1785 г. по 1801 г. по Р. Х.

²⁾ Шахъ-Мурадъ-Маасумъ-Гази-Амиралъ-Мумининъ, т. е. Шахъ-Мурадъ-Маасумъ, герой и повелитель правовѣрныхъ.

верандѣ, «дыша вечернею прохладою», сидитъ миръ въ одномъ бѣльѣ. Вокругъ него красивая группа его приближенныхъ. О чемъ-то вполголоса ведется бесѣда. Прохожу къ себѣ на террасу, гдѣ за походнымъ столикомъ на складныхъ стульяхъ сидятъ мои спутники и мирно попиваютъ чай. Присоединяюсь къ нимъ и, наслаждаясь вечеромъ, дѣлюсь впечатлѣніями только что видѣннаго.

Изъ группы людей, окружающихъ мира, встаетъ одинъ, сходитъ съ террасы и становится среди двора лицомъ къ «сосредоточію вселенной», святой Меккѣ: часть вечерняго намаза насталъ. Говоръ и смѣхъ замолкаютъ, всѣ встаютъ и оправляютъ костюмы. Среди воцарившейся тишины раздается громкій и звучный призывъ на молитву. На него откликнулись муэзины въ городѣ, и изъ конца въ конецъ Куляба разнеслись святыя слова «азана» ¹⁾. Возгласивъ призывъ къ молитвѣ, губернаторскій муэзинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мулла опять восходитъ на террасу и, снявъ туфли, становится на коврикъ впереди всѣхъ, за нимъ миръ, ужъ успѣвшій надѣтъ халатъ. За миромъ правильными рядами становятся другія лица, и тѣ ближе къ начальнику, кто знатнѣе. Со двора спѣшатъ на террасу слуги губернатора и размѣщаются позади его приближенныхъ. Молитва объединяетъ всѣхъ правовѣрныхъ, всѣхъ ихъ равняетъ предъ Всесильнымъ, Безконечнымъ. Туфли сняты и поставлены подлѣ «суджадата» ²⁾, концы торбановъ распушены, широкія одѣянія и пышныя чалмы причудливо рисуются въ вечернемъ воздухѣ, мулла громко и внятно читаетъ первую сѣру корана. Строгою сосредоточенностью и благоговѣніемъ охвачены многочисленные безмолвные ряды молящихся.

И кажется, будто въ настоящій мигъ вся окружающая атмосфера, всѣ трепетныя листья чинаръ и недвижная листва карагачей, и всѣ эти загорающіяся звѣзды и свѣтлый серпъ луны слились съ людьми въ одной общей молитвѣ Самосущему Аллаху, милліоны ангеловъ Котораго несутъ эти мольбы и хвалы въ безпредѣльную высь надзвѣздныхъ міровъ, къ таинственному престолу вѣковѣчнаго Міродержца.

Послѣ молитвы всѣ расходятся и принимаются за прерванные занятія: за чаепитіе, бесѣды и ужинъ. Намъ уже принесли нѣсколько громадныхъ блюдъ мѣстной кухни и все поставили у нашихъ ногъ на разостланную циновку. Просимъ передать глубокую благодарность миру, который противъ насъ на своей верандѣ соби-

¹⁾ «Азанъ» — призывъ на молитву. Въ дословномъ переводѣ съ арабскаго онъ гласитъ слѣдующее: Великъ Богъ (четыре раза). (Свидѣтельствую, что Мухаммедъ посланникъ Божій (два раза).) Спѣши на молитву (два раза). Спѣши ко спасенію (два раза). Послѣ этого во время утренней молитвы произносится еще: Молитва лучше сна (два раза). Богъ великъ (два раза). Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (одинъ разъ).

²⁾ «Суджадатъ» — коврикъ для молитвы.

рается тоже кушать. Халатъ и туфли онъ уже снялъ и опять остался въ одной длинной рубашкѣ и широкихъ панталонахъ. Сидѣвшіе около него приближенные отодвигаются подальше въ то время, когда на террасѣ появляется чалмоносецъ съ блюдомъ дымящагося пилава и съ миской супа. Все это ставится передъ миромъ. Миръ садится на колѣни и, низко нагнувшись, начинаетъ ѣсть пилавъ руками, въ антрактахъ обсасывая жирные пальцы. Къ губернатору присоединился ужинать и его сынъ, остальные приближенные безмолвно смотрятъ на это: по мѣстному этикету изъ нихъ никто не ѣстъ съ начальникомъ, за исключеніемъ лишь близкихъ его родныхъ. Наконецъ ужинъ оконченъ. Пилавъ съѣденъ, супъ выпитъ по очереди, сначала миръ отпилъ половину миски, потомъ его сынъ; ложекъ, какъ извѣстно, не полагается.

Еще съ часъ проходитъ въ бесѣдѣ или игрѣ въ шахматы при мерцающемъ свѣтѣ ночника, потомъ послѣдній, предъ отходомъ ко сну, намазъ, и все засыпаетъ, лишь бодрствуетъ ночная стража, и стукъ ея барабановъ и звонъ треугольниковъ порою нарушаютъ покой и безмятежность спящихъ улицъ.

На другой день утромъ мы пригласили мира къ себѣ кушать чай. Онъ не замедлил явиться. На этотъ разъ на немъ былъ шелковый халатъ стального цвѣта и бѣлый кисейный тюрбанъ; ни приближенныхъ, ни слугъ при немъ не было. Они его проводили лишь до нашей террасы и удалились. Пришелъ и махрамъ-бекъ. Остались мы съ миромъ, что называется, «съ глазу на глазъ», поэтому бесѣда могла вестись болѣе откровенно, да и визитъ губернатора былъ неофициальный, а запросто.

За чаемъ нашъ гость разсказалъ немало интереснаго о житиѣ-бытиѣ губернаторовъ бухарскихъ провинцій. Нарисованная имъ картина настолько характерна, что, кажется, небезынтересно привести пересказъ слышаннаго съ добавленіемъ кое-чего изъ личныхъ наблюденій.

Миры назначаются эмиромъ или изъ его любимцевъ и приближенныхъ, или изъ особенно заслуженныхъ «амлекдаровъ»¹⁾. Принимается во вниманіе и національность. По традиціоннымъ соображеніямъ повелителей Бухары, на должности, гдѣ болѣе полезна покорность и преданность престолу, назначаютъ добродушнаго и недалекаго узбека, на отвѣтственныя же мѣста, гдѣ нуженъ большой политическій тактъ и осторожность, въ большинствѣ случаевъ назначаютъ ловкіе и хитрые таджики или ихъ сородичи изъ Ирана. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что эмиры Бухары охотно принимали къ себѣ и теперь принимаютъ различныхъ выходцевъ изъ Персіи. И въ исторіи Трансоксаніи было немало примѣровъ, когда персидскіе невольники, проданные въ рабство турк-

¹⁾ Окружный начальникъ, исправникъ.

менами, занимали впоследствии при Бухарскомъ дворѣ важнѣйшія государственныя должности. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, религиозная непримиримая рознь между персами-шиитами и суннитскими населеніемъ Бухары не находила себѣ мѣста, и на первомъ планѣ стояли недюжинныя, вошедшія на Востокъ въ поговорку, способности персіянъ и ихъ сравнительно высокое умственное развитіе.

Полученіе мѣста губернатора, какъ это водится на Востокѣ, понятно, не обходится безъ извѣстной мзды, если не въ пользу эмира, то его вліятельныхъ сановниковъ. Не только какое либо образованіе, но даже простая грамотность необязательна для претендента на губернаторское мѣсто. И, напримѣръ, нынѣшній кулябекскій миръ не умѣетъ ни читать, ни писать. Да и къ чему такая роскошь? Вѣдь нѣтъ никакой особенно сложной переписки, канцелярскихъ дѣлъ и книгъ для записи «исходящихъ и входящихъ». А если что и потребуетъ написать, на это есть «мирза»¹⁾. Въ каждомъ городѣ, куда пріѣдетъ новый губернаторъ, къ его услугамъ многочисленный штатъ покорныхъ приближенныхъ и великое множество безотвѣтныхъ слугъ. Среди нихъ и мирза, важный и неизбѣжный винтикъ въ государственной машинѣ (вященной Бухары. Мирза есть у каждого бухарскаго чиновника, начиная отъ простого сельскаго старшины и кончая кушъ-беги и диванъ-беги²⁾). Когда придетъ къ миру та или другая бумага, ее прочтетъ ему мирза и тотчасъ напишетъ на нее соотвѣтствующій отвѣтъ, не безпокая мира. Послѣдній только прочтетъ написанное или, если неграмотенъ, прослушаетъ и приложитъ къ бумагѣ свою печать. Подпись не требуется, печать на Востокѣ важнѣе всего³⁾.

¹⁾ Секретарь, писецъ.

²⁾ Кушъ-беги—высшій чинъ бухарскаго и хивинскаго дворовъ, министр-резидентъ, вице-король. Въ Бухарѣ два кушъ-беги. Одинъ живетъ въ самой столицѣ ханства, ему подчинены провинціи западной Бухары, другой живетъ въ Хисарѣ и начальствуетъ надъ областями восточной Бухары. Диванъ-беги—министръ иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ И знатный восточный сановникъ, и мелкаго сошка носятъ эту необходимую вещь всегда съ собой. У кого она бережно завернута въ тряпочку и хранится въ карманѣ, кто носитъ ее на шеѣ на шнуркѣ. На печати выгравировано полное имя ея владѣльца и его чинъ. У коронованныхъ особъ на печати красуется какое либо высокопарное двуступиіе, куда входятъ имя и титулъ ея обладателя. Такъ, напримѣръ, на печати покойнаго персидскаго шаха было выгравировано двуступиіе, которое въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ рука Насръ-Эддина взяла печать шаховъ,
«Молва о справедливости и правосудіи пронеслась изъ конца въ конецъ вселенной».

На печати нынѣшняго шаха значится:

«Съ помощью Бога возшла звѣзда побѣды и торжества:

«Взялъ печать шаховъ. Музафферъ-Эддинъ-шахъ».

И шахъ, какъ и всѣ восточные владетели, никогда не подписываетъ своего имени, а всегда прикладываетъ печать. Лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ

Всѣ дѣла, касающіяся непосредственно мировъ, рѣшаются ими на своемъ дворѣ и въ лѣтнее время всегда подъ открытымъ небомъ. Раннее утро застаеъ мировъ въ кругу своихъ приближенныхъ ужь на террасѣ. Нравы патріархальны, и жизнь еще здѣсь не выработала сложнаго кодекса приличій, и потому миръ дома цѣлый день бываетъ въ одномъ бѣльѣ. У себя, по мѣстнымъ понятіямъ, можно быть въ чемъ угодно, и въ такомъ видѣ не возбраняется принимать посѣтителей и рѣшать какія угодно важныя дѣла. Другое дѣло—выходить куда либо изъ своихъ покоевъ, тогда нужно одѣваться въ полный костюмъ. Являются просители или вообще люди, имѣющіе дѣло до губернатора, послѣдній принимаетъ ихъ, сажаетъ поодаль отъ себя, выслушиваетъ и тутъ же словесно, безъ всякихъ бумагъ, налагаетъ свое рѣшеніе. Часто во все время разбора тѣхъ или другихъ дѣлъ, миръ спокойно попиваетъ зеленый чай изъ маленькой фарфоровой чашки и изъ нея же утощаетъ присутствующихъ, и чашка съ чаемъ переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ устъ знатнаго мира до рта смиренно сидящаго на колѣняхъ челобитчика. Одно другому не мѣшаетъ. Знатность и ничтожество само собой, а священный законъ гостепріимства самъ собой, истецъ же и обвиняемый пришли къ миру—значить, они до нѣкоторой степени его гости.

Никто ничего не имѣетъ и противъ того, если во время занятія должностными дѣлами губернаторъ лежитъ, растянувшись на коврѣ, а двое мальчиковъ-подростковъ усердно его растираютъ. Иногда массажисты для удобства заворачиваютъ рубашку начальника или спускаютъ его панталоны, и предъ глазами присутствующихъ мелькаетъ обнаженное благородное тѣло мира. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, тѣмъ болѣе, вѣдь губернаторъ не прерываетъ дѣла и вставляетъ порою свои замѣчанія на слова просителей или докладчика, почтительно сидящихъ или стоящихъ передъ нимъ. Застанетъ время того или другого намаза подобное начальническое разбирательство,—всѣ встанутъ и молятся здѣсь же вмѣстѣ. И судъ, и всякія служебныя дѣла, и молитвы, и принятіе пищи—все подъ открытымъ небомъ. Когда же солнце начнетъ особенно сильно припекать, миръ и его свита переходятъ или на другую террасу, по ту сторону дома, гдѣ тѣнь, или же удаляются въ комнаты, гдѣ царитъ прохлада и въ самый сильный жаръ. Лишь по пятницамъ, или вообще въ праздники, въ этой

съ коронованными особами вмѣсто печати шахъ собственноручно подписывается. Мнѣ извѣстенъ фактъ, когда покойный Насръ-Эддинъ, посылая бумагу одному изъ своихъ приближенныхъ, по ошибкѣ подписался. Но, во время спохватившись, не долго думая, слизнулъ языкомъ написанное и вмѣсто этого на соответствующемъ мѣстѣ приложилъ печать. Царедворецъ, получивъ августѣйшую грамоту, тѣмъ не менѣе замѣтилъ уничтоженную подпись повелителя (она все-таки выступала неясными очертаніями) и понялъ, какимъ образомъ это произошло.

тихой, однообразной жизни замѣчается нѣкоторая переменѣна. Богато убранная лошадь съ великолѣпнымъ бархатнымъ чепракомъ, шитымъ серебромъ или золотомъ, везетъ губернатора въ мечеть на молитву. Послѣ моленія, возвращаясь обратно, онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ всѣхъ присутствовавшихъ въ мечети, начиная отъ муллы, читавшаго «хотбу» ¹⁾, и кончая простымъ обывателемъ города, «байкушемъ» ²⁾. Въ просторномъ залѣ мирскаго «дворца» гости размѣщаются, смотря по степени знатности. Хозяинъ занимаетъ самое почетное мѣсто. Разнообразныя и сытныя блюда ставятся передъ гостями, неизбѣжный «чилиимъ»—мѣстный кальянь, послѣ обѣда обходитъ присутствующихъ, и слуги приносятъ мѣдные обиджущъ и фарфоровыя чашечки безъ ручекъ и безъ блюдецъ для чаепитія. Миръ ведетъ назидательную бесѣду съ наиболѣе образованными гостями: муллами, судьями и другими, остальные въ глубокомъ молчаніи внимаютъ разговору. Послѣ угощенія—краткая молитва, благодарность и поклоны отъ всѣхъ гостепріимному хозяину, и всѣ расходятся во-свояси. Губернаторъ, утомленный приемомъ, отправляется на отдыхъ во внутренніе покои своего помѣщенія; въ такой день никакихъ служебныхъ дѣлъ ужъ не полагается.

И такъ изо дня въ день проходитъ вся жизнь каждаго мира безмятежной чередой, развѣ только омрачается она тогда, когда «по волѣ судьбы» выпадаетъ ему черный день отправиться въ столицу или въ Керминѣ (гдѣ больше всего живетъ эмиръ) къ «Дженáбе Аали» ³⁾, по грозному вызову послѣдняго. А это происходитъ въ томъ случаѣ, если замѣчаютъ, что доходы съ той или другой области уменьшились, и слѣдовательно виноватъ ея губернаторъ: онъ де удерживаетъ часть поборовъ, идущихъ въ казну эмира. Какъ и вездѣ на Востокѣ, мѣстные губернаторы не получаютъ никакого жалованья отъ своего правительства, а берутъ себѣ натурой и деньгами съ жителей подвластной имъ провинціи. Нормы для этого не существуетъ, и отсюда, понятно, грабежъ и хищеніе невѣроятныя.

Правда, по закону каждый подданный эмира долженъ давать въ казну ежегодно десятую часть отъ своихъ доходовъ, но кто же можетъ съ точностію сказать, сколько онъ собралъ за годъ хлѣба, масла, молока, фруктовъ и проч.? И потому каждый даетъ столько,

¹⁾ Молитва, читаемая муллою по пятницамъ.

²⁾ Байкушъ—тюркское слово, въ собственномъ смыслѣ означающее филина, сову, вообще ночную птицу. На языкѣ же бухарскихъ чиновныхъ лицъ слово «байкушъ» означаетъ простаго крестьянина, черный людъ вообще.

³⁾ «Высочайшая свѣтлость»—титულъ бухарскаго эмира, котораго такъ величаютъ за глаза всѣ мѣстные чиновники.

сколько назначаютъ власти ¹⁾, а послѣднія въ виду своихъ выгодъ берутъ какъ можно больше. Да если бы и были извѣстны доходы каждаго туземца, то законные поборы опять были бы немислимы. Честность и безупречность мѣстныхъ властей, при полной безконтрольности ихъ дѣяній, весьма сомнительны, а если добавить къ этому житье безъ жалованія и кормленіе отъ народа, то это невѣроятное лихоимство станетъ понятнымъ. Начиная отъ губернатора и кончая послѣднимъ чинушей-халатникомъ, грабятъ всѣ, отчего бѣдное, истощенное непосильными налогами, населеніе встрѣчается въ каждой провинціи. И только изумительное плодородіе земли да необыкновенное трудолюбіе прекраснаго народа, еще живущаго тысячелѣтними традиціями своей когда-то прославленной культуры, не даютъ странѣ дойти до полнаго обнищанія и запущенности. Ни суда, ни расправы на беззаконія властей ни у кого нельзя найти. У мелкаго чиновничьяго міра всегда найдутся сильные родственники или хорошіе знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить передъ губернаторомъ всякое обвиненіе противъ ихъ кліентовъ, у губернаторовъ же добрые друзья при дворѣ и хорошія взятки кушъ-бѣги и другимъ вліятельнымъ сановникамъ тоже сдѣлають свое дѣло, и виновный всегда окажется

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ взимають годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру ¹/₁₀ часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и барана стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.) или же 12 тенговъ деньгами, съ бѣдныхъ же, взаменъ масла и барана, кусокъ «маты» (бѣлой хлопчатобумажной ткани своего издѣлія) стоимостью отъ 60 коп. до 1 рубля. Въ пользу же міра, амлекдара, волостнаго старшины и ихъ прислуги сходить еще пуда по два хлѣба верномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванья, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такіе поборы невыносимы. Деньги же въ горахъ крайне рѣдки и потому представляютъ большую цѣнность; горный таджикъ, искони привыкшій къ мѣнковой торговлѣ, на деньги съ удовольствіемъ продаетъ барашка тенговъ за 6—7 (96 к.—1 р. 12 к.), или, какъ въ Каратегинѣ, «батманъ» (9 пудовъ) пшеницы отдаетъ въ урожайные годы за 8 тенговъ (1 р. 28 к.). Такимъ образомъ, если перевести на нашъ курсъ всю стоимость поборовъ съ мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы (¹/₁₀ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 рублю 10 коп. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп., 20 фунтовъ масла стоятъ приблизительно 5 рублей, баранъ—три рубля или столько же деньгами, итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусокъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстныхъ властп, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидною. Недоимокъ же не полагается; для ихъ устраненія существуютъ клоповники и канчуки. Отсюда понятнымъ станетъ, почему мѣстные туземцы, «байкуши», наивно спрашиваютъ проѣзжающаго «уруса», скоро ли ихъ возьметъ себѣ «Бѣлый царь». У него де легче живется: по слухамъ, податей меньше приходится платить; вонъ въ Ферганѣ, въ Самаркандѣ и другихъ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи каждый платитъ въ среднемъ выводѣ только около 7 тенговъ (1 рубль 10 коп.).

правымъ. А такъ какъ «у сильнаго всегда безсильный виноватъ», то обиженный бухарскій миръ чинитъ кровавую расправу надъ своими доносчиками и обвинителями. Развѣ только кто нибудь изъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ, враждебныхъ миру, или всевластный кушъ-бѣги донесутъ «хазрѣту»¹⁾ о томъ или другомъ неправомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ о казнокрадствѣ, и тогда знатнаго мира ждетъ опала или еще что нибудь худшее этого.

По пріѣздѣ къ эмиру, обвиняемаго губернатора начинаютъ допрашивать, почему онъ мало присылаетъ податей. Миръ отговаривается тѣмъ, что, напримѣръ, урожаи за послѣдніе годы были плохіе, и собраннаго хлѣба поэтому оказалось мало, а народъ весь обѣднялъ; откуда же быть большому сбору податей? Оправданіямъ этимъ, конечно, никто не вѣритъ. Въ Бухарѣ невозможнаго не бываетъ: если бы и годы на самомъ дѣлѣ были плохіе, и народъ бы былъ окончательно разоренъ неурожаемъ, исправность платежа податей все-таки обязательна. Состраданіе и государственныя заботы о подданныхъ здѣсь неизвѣстны, да къ тому же если ужъ кто провинился предъ эмиромъ, то значитъ справедливо подпалъ подъ его грозный, немилосердный гнѣвъ. А гнѣвъ «хазрета» не шутка: онъ сразу уничтожаетъ человѣка. Мольбы и просьбы о законномъ разбирательствѣ дѣла бесполезны. Опальнаго губернатора прямо спрашиваютъ: «сколько скопилъ денегъ?» Онъ называетъ извѣстную сумму, ее требуютъ у него, подъ страхомъ пожизненнаго заключенія въ «зиндонъ»²⁾, немедленно отдать эмиру. Нечего и говорить, что обвиняемый тутъ же отдаетъ требуемое. Но здѣсь кто нибудь изъ лицъ, хорошо знавшихъ его, быть можетъ, даже кто нибудь изъ друзей, доносятъ, что у него столько-то скота пасется тамъ-то, столько-то табуновъ лошадей гуляетъ по равнинамъ, и что и денегъ-то у него собрано гораздо больше, чѣмъ онъ показалъ. По такому навету отбираютъ все имущество у бывшего мира и вымогаютъ всѣ накопленныя деньги, употребляя не только всяческія угрозы, но и прибѣгая къ помощи различныхъ пытокъ, на которыя такъ щедръ и изобрѣтателенъ безчеловѣчный Востокъ. Въ концѣ концовъ бывший могущественнѣйшій сатрапъ, по своему усмотрѣнію казнившій и миловавшій людей, очутится безъ куска хлѣба въ жалкомъ домишкѣ, который ему дадутъ изъ милости гдѣ нибудь въ столицѣ подъ грознымъ окомъ повелителя. Послѣдній изъ жалости кое-какъ кормитъ опальника, чтобы тотъ не умеръ съ голода, какъ бродячая уличная собака. И развѣ только по прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже за давностью времени его вина из-

¹⁾ Хазрѣтъ, или, вѣрнѣе, хазратъ—«святѣйшій, высочайшій». Одинъ изъ титуловъ эмира, который онъ носитъ, какъ духовный глава мусульманъ Средней Азіи.

²⁾ Тюрьма, клоповникъ.

гладится изъ памяти «Дженабе-Аали», о немъ вспомнить и опять пошлютъ губернаторомъ куда нибудь въ бѣдную провинцію. А часто случается и такъ, что совсѣмъ не вспомнить, и бывший губернаторъ умираетъ ничтожнымъ бѣднякомъ. Ни прежніе многочисленные друзья и пріятели, ни бывшіе вѣрные слуги, никто не придетъ навѣстить подпавшаго подъ гнѣвъ повелителя. Еще заподозрять въ измѣнѣ послѣднему и въ сочувствіи его недругамъ. И нерѣдкость, если дѣти такого впавшаго въ немилость мира займутся потомъ какой либо мелкой торговлею, либо пойдутъ въ чернорабочіе. Сословіи и сопряженныхъ съ ними разнаго рода привилегій въ Бухарѣ вѣдь нѣтъ.

Лѣто 1897 г. мнѣ пришлось провести въ столицѣ Бухарскаго ханства, въ Бухарѣ. Во все это время мнѣ прислуживалъ молодой таджикъ Мадъ-Али. Всѣ знавшіе его называли его не по имени, а «бой-бача», т.-е. сынъ богатаго. Какъ-то мнѣ пришлось спросить, почему его такъ называютъ. И мой слуга повѣдалъ мнѣ грустную исторію. Его отецъ былъ одинъ изъ вліятельныхъ сановниковъ эмира и имѣлъ титулъ «парвоначи». За что-то онъ былъ отставленъ отъ должности, деньги, которыя онъ успѣлъ нажить во дни своей славы, прожилъ во дни своего ничтожества. По смерти его осталась большая семья, и старшій изъ дѣтей былъ Мадъ-Али. Чтобы прокормить бѣдствовавшую семью, онъ поступилъ къ какому-то сластолюбивому горожанину «бачею» и цѣной собственного позора содержалъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и старуху мать. Изъ прежнихъ же друзей отца никто не протянулъ руку помощи его бѣдствовавшей семьѣ, напротивъ, всѣ сторонились, какъ отъ зачумленныхъ, несмотря на просьбы и мольбы о помощи. Нѣсколько лѣтъ безпутной жизни сказались на Мадъ-Али, и изъ когда-то розоваго, цвѣтущаго мальчика сталъ высокій, желтый, безобразный, съ тупымъ взоромъ и вялыми движеніями, двадцати-лѣтній парень. Быть бачею теперь онъ не можетъ: онъ уже слишкомъ выросъ и сталъ безобразенъ. Куда же итти? Правда, мать умерла, сестры успѣли выйти замужъ, братья выросли, но вѣдь нужно же себя прокормить. И Мадъ-Али сталъ «мардикоромъ», т.-е. поденщикомъ, рабочимъ, слугою. Отъ прежняго отцовскаго богатства и славы только сохранилось лишь насмѣшливое прозвище, данное его сыну: «бой-бача».

Чтобы не попасть въ такую бѣду, какъ гнѣвъ эмира, мѣстные губернаторы всячески стараются о доставленіи возможно большихъ суммъ въ казну эмира. По закону каждый начальникъ провинціи обязанъ представить тому кушъ-беги, которому онъ подчиненъ, ежегодно отъ 6 до 10 лаковъ тенговъ ¹⁾, смотря по богат-

¹⁾ Собственно «лакъ» — индійское слово, перешедшее въ таджикскій діалектъ, и значитъ 100.000. Лакъ тенговъ равенъ нашимъ 16.000 рублямъ, считая по нынѣшнему курсу тенгу въ 16 копеекъ.

ству своей области (эта подать должна вноситься мирами не тенгою, а русской монетой). Сбранную дань кушъ-беги отсылаетъ въ Бухару. Къ этимъ-то нѣсколькимъ лакамъ ежегодныхъ податей каждый миръ и усердствуетъ прибавить еще нѣсколько тысячъ лишнихъ тенговъ, лишь бы не впасть въ немилость у эмира. Само собою разумѣется, что, радѣя о пользѣ своего государя, миры не забываютъ и себя: 2—3 лака тенговъ откладываютъ ежегодно въ свою пользу. Такимъ образомъ, если сравнить жалованье нашихъ губернаторовъ съ доходами ихъ бухарскихъ собратьевъ, то сравненіе окажется не въ пользу первыхъ. А если присоединить къ этому многочисленные табуны лошадей и тысячныя стада коровъ и овецъ и прочіе побочные доходы натурой, то богатство мѣстныхъ мировъ покажется и вовсе значительнымъ.

Среди разговора, миръ, между прочимъ, выразилъ сожалѣніе, что мы пріѣхали немного поздно. И когда мы спросили, въ чемъ дѣло, губернаторъ замѣтилъ, что мы лишились удовольствія видѣть казнь преступниковъ: три дня тому назадъ казнили двухъ. «Впрочемъ,—замѣтилъ сановный старецъ,—эта вещь поправимая, черезъ недѣлю еще предстоитъ казнь, такъ что вы, если поживете въ Кулябѣ, то увидите это». Поблагодаривъ мира за такое «эстетическое удовольствіе», я спросилъ его, не разрѣшитъ ли онъ намъ осмотрѣть мѣстную тюрьму, такъ какъ мы много слышали о правосудіи Благородной Бухары, гдѣ зло всегда несетъ заслуженное возмездіе. Съ любезной улыбкой миръ далъ на это полное согласіе и, кликнувъ одного изъ гуляющихъ по двору чиновниковъ, далъ ему приказъ проводить насъ въ «зйндону».

Тюрьма оказалась во дворѣ же мирскаго «дворца», почти противъ нашего помѣщенія. Единственная дверь въ нее была въ стѣнѣ входной арки губернаторскаго дома. Внутренность кулябской тюрьмы представляетъ громадную яму, надъ которой возвышаются высокія глинобитныя стѣны съ однимъ узенькимъ оконцемъ. Ослизлая солома валяется на сыромъ полу. Воздухъ необыкновенно спертый и удушливый, безъ привычки не пробудешь и нѣсколькихъ минутъ.

Всего преступниковъ при насъ въ тюрьмѣ было четверо; длинная желѣзная цѣпь сковывала ихъ шеи, такъ что если одному нужно было сѣсть, лечь или нагнуться, то это должны были сдѣлать и всѣ остальные. Свои фізіологическія отправленія заключенные дѣлали въ тюрьмѣ же, наружу ихъ совсѣмъ не выпускали. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, съ безпокойно бѣгавшими глазами и страшно блѣднымъ лицомъ, сидитъ здѣсь двѣ недѣли. Онъ обвиняется въ кражѣ лошади. На мой вопросъ, когда онъ думаетъ освободиться, онъ отвѣтилъ: «послѣ того, какъ по приговору суда мнѣ отрубятъ руку» ¹⁾. Другой—высокій, сред-

¹⁾ Въ Бухарѣ судятъ по законамъ имама Абу-Ханифа; по уголовному кодексу этого имама за воровство въ первый разъ полагается отрубить кисть руки, за

нихъ лѣтъ мужчина съ сумрачной и утомленной фізіономіей, бывшій купецъ, онъ заключенъ сюда кредиторами за неплатежъ долговъ и находится здѣсь ужъ два съ половиной мѣсяца. Когда я спросилъ, какъ можетъ долго продлиться его пребываніе въ тюрьмѣ, онъ мрачно отвѣтилъ: «до тѣхъ поръ, пока не уплачу долговъ, а гдѣ я возьму деньги?» Какого рода преступленія совершили остальные,—я, къ сожалѣнію, не помню. Когда ихъ всѣхъ по нашей просьбѣ вывели на дворъ снять съ нихъ фотографію, несчастные едва держались на ногахъ отъ слабости и отъ того, что за время пребыванія въ тюрьмѣ они отвыкли отъ воздуха и солнца. Когда же г. Б. поставилъ противъ нихъ фотографическій аппаратъ и навелъ объективъ, бѣдные узники настолько напугались, что тряслись, какъ въ лихорадкѣ: имъ казалось, что странный инструментъ сейчасъ выстрѣлитъ и убьетъ ихъ. Большихъ трудовъ стоило ихъ хотя нѣсколько успокоить.

До полдня еще далеко. Опять, какъ и вчера, пошли съ Якубомъ бродить по городу; мои спутники тоже собираются. Прошли опять черезъ базары къ лавкамъ вчерашнихъ нашихъ знакомцевъ изъ Пешавера, но онѣ оказались заперты; сосѣдніе торговцы говорятъ, что они ушли въ каравансарай: тамъ де какое-то собраніе, многие и другіе пошли.

Вотъ и каравансарай, длинное большое зданіе. Настежь раскрыты ворота ведутъ въ обширный, начисто разметенный дворъ. На дворѣ, подъ навѣсами окружающихъ его съ четырехъ сторонъ галлерей, цѣлое море разноцвѣтныхъ тюбановъ и яркихъ халатовъ, мѣстами выдѣляются своими темными куртками и блестящими пуговицами длинноволосые афганцы и всѣ въ черномъ смуглые «хинду» (индусы). Подходили къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ индійскіе персы; ихъ умныя, плутоватыя фізіономіи рѣзко выдѣляются изъ окружающей ихъ группы таджиковъ и другихъ національностей. Дѣлаемъ общій поклонъ ихъ собесѣдникамъ и спрашиваемъ, не помѣшали ли мы своимъ приходомъ. Со всѣхъ сторонъ слышится отрицаніе и любезное приглашеніе садиться. Въ группѣ, къ которой мы подошли, предметомъ общаго вниманія служитъ представительный старикъ въ богатомъ костюмѣ. Вижу—Якубъ почтительно привѣтствуетъ его, а старикъ, какъ старый знакомый, привѣтливо улыбаясь, отдаетъ Якубу отвѣтный «саламъ». Между ними завязывается разговоръ. Ко мнѣ же тѣснѣе подвинулись пешаверцы и познакомили меня съ тремя другими изъ своихъ соотечественниковъ.

— Вы извините насъ, что мы вчера отвѣтили вамъ отрица-

воровство во второй разъ отрубаятъ кисть ноги (изуродованію такимъ образомъ руку или ногу сейчасъ же погружаютъ въ кипящее масло, чтобы унять кровотеченіе). За кражу въ третій разъ виновнаго отсылаютъ къ эмиру на его усмотрѣніе, что всегда оканчивается казнью.

тельно на вашъ вопросъ о старинныхъ монетахъ, — безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ «къ дѣлу» одинъ изъ вчерашнихъ моихъ знакомцевъ. — Дѣло, видите ли, въ томъ, у насъ кое-что имѣется изъ старины, но вчера мы не показали вамъ этого. Думали, что вы, какъ гости мира, возьмете наши вещи, а денегъ не отдадите. Здѣсь вѣдь гостямъ все, что нравится, отдаютъ даромъ, будь это хоть и чужое. Но о васъ узнали, что вы много на пути покупали вещей и за все хорошо платили.

Увидя на моей физиономіи необычайное удивленіе, мой собесѣдникъ поспѣшно прибавилъ.

— Вы не вѣрите? Были случаи, увѣряю васъ. Пріѣзжали къ миру русскіе таксыры оттуда... съ равнины, и брали даромъ.

Глядя на это красивое матовой бѣлизны лицо съ черными умными глазами, я, признаться, заподозрѣлъ моего собесѣдника въ нѣкоторомъ преувеличеніи, если не сказать болѣе, и въ душѣ не повѣрилъ слышанному. Къ сожалѣнію, далѣе на пути изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ, увы, пришлось воочію убѣдиться въ такихъ подвигахъ нѣкоторыхъ «благородныхъ россійскихъ таксыровъ» и при томъ занимающихъ въ странѣ извѣстное служебное положеніе. Но объ этомъ послѣ.

Разговаривая со мной, мой собесѣдникъ вынулъ изъ-за пазухи своего халата маленькіе узелочки и сталъ ихъ развязывать. Въ нихъ оказалось нѣсколько штукъ серебряныхъ греко-бактрійскихъ монетъ и одна мѣдная съ изображеніемъ Александра Македонскаго. И у другихъ также оказалось по нѣсколько подобныхъ монетъ, а у одного даже цѣлый мѣшочекъ, но только мѣдныхъ. Пока я разсматривалъ ихъ и читалъ имена различныхъ *basileus* овъ, вокругъ меня шелъ оживленный разговоръ. Сидѣвшій противъ меня благообразный старикъ, повидимому, знакомецъ Якуба, рассказывалъ окружающимъ о могуществѣ эмира и о богатствѣ Благородной Бухары.

Якубъ почтительно замѣчаетъ, что эмира теперь нѣтъ въ Бухарѣ; говорятъ, будто въ Россію выѣхалъ.

— Да, — небрежно роняетъ старикъ: — уѣхалъ. Вѣдь у нихъ съ Бѣлымъ цремъ большая дружба: другъ безъ друга жить не могутъ.

— Отчего же это, таксыръ? — сладко закативъ глаза, спросилъ кто-то изъ здѣсь сидящихъ.

— Да вѣдь Бѣлый царь — тайный мусульманинъ, — еще небрежно замѣчаетъ спрошенный таксыръ, задумчиво перебирая четки¹⁾: — ну, сердце эмира и влечется къ нему. Надо поговорить о дѣлахъ вѣры, о правленіи царствомъ, — мало ли о чемъ?

— Do you speak english? — спрашиваю я своего сосѣда, перса изъ Пешавера.

— Yes, I do.

¹⁾ Въ мало мальски степенные мусульмане имѣютъ всегда при себѣ четки.

— Who is this old man?

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ нагибается къ моему къ уху и тихо произноситъ по-персидски: «собираетъ «заката» ¹⁾ изъ Бухары».

Важная персона! Такими-то, подумаешь, необычными старается мѣстное вліятельное духовенство и чиновничій міръ оправдать частыя отлучки правовѣрнаго эмира въ «нечестивую Русь». Правда, эпитетъ мусульманина еще болѣе увеличиваетъ и безъ того обаятельное для всего Востока имя русскаго императора, подъ властью котораго «всѣмъ правовѣрнымъ такъ хорошо живется». И великій Бѣлый царь, упованіе и надежда всѣхъ народовъ Азіи, и при томъ для христіанъ—христіанинъ, для мусульманъ—читель Аллаха и его пророка, какъ, надо полагать, должно это дѣйствовать на болѣзненно-восторженный умъ восточнаго человѣка!

На пути изъ каравансарая встрѣтили г. Н. съ переводчикомъ мира: людей нашихъ никого не оказалось, и миръ любезно представилъ въ его распоряженіе своего чиновника.

Говорю о видѣнныхъ монетахъ г-ну N.,—тотъ, страстный нумизматъ, оживляется и проситъ познакомить его съ «фаришами». Идемъ опять назадъ, въ каравансарай. Тамъ народъ сталъ уже расходиться, и пешаверцы, показавъ монеты, предложили зайти въ одну изъ ближайшихъ ихъ лавокъ и тамъ потолковать о цѣнѣ. Тутъ же рядомъ съ воротами каравансарая оказалась лавка одного изъ нихъ. Ея хозяинъ, небольшой, очень смуглый человѣкъ съ типичной индусской фізіономіей, совсѣмъ непохожій на своихъ земляковъ, отперъ дверь и впустилъ насъ въ темное и тѣсное помѣщеніе лавки. Свѣтъ доставляли въ нее только двое дверей. Несмотря на тѣсноту, всѣ кое-какъ размѣстились. Хозяинъ любезно предложилъ всѣмъ мѣстныя конфеты и чай. Пока идетъ торгъ изъ-за монетъ, я отъ нечего дѣлать тину чай и разсматриваю лежащій передо мной свертокъ бумаги, исписанный оригинальными угловатыми письменами «хиндустани» ²⁾. Одинъ изъ пешаверцевъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой, знаю ли я нарѣчіе «хиндустани», и взялъ у меня свертокъ. Услышавъ мой отрицательный отвѣтъ, онъ, какъ видно, успокоился и оставилъ меня въ покоѣ. А вокругъ меня идетъ жаркій торгъ: Якубъ и губернаторскій переводчикъ изъ силъ выбились, доказывая, что такія цѣны не мыслимы. А цѣны дѣйствительно ужасающія: за одну монету запрашиваютъ по нѣскольку сотенъ рублей.

¹⁾ Закатъ—милостыня, чистота, очищеніе. Мухаммеданскій законъ предписываетъ давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, чтобы чрезъ то очистить остальную часть имущества и снискать Божіе благословеніе.

²⁾ Хиндустанъ—одно изъ современныхъ нарѣчій Индостана, образовавшееся изъ персидскаго языка, арабскаго и мѣстныхъ говоровъ.

— Вѣдь они говорятъ, по всей вѣроятности, по-англійски,— замѣчаю я г. Н.:—я недавно говорилъ съ однимъ. Поговорите съ ними сами.

Г. Н. обращается по-англійски какъ разъ къ тому же, съ кѣмъ я недавно горилъ. Пешаверець, къ моему удивленію, отрицательно качаетъ головой и говоритъ чрезъ Якуба, что онъ не знаетъ англійскаго языка. Что такое?—думаю. И пока у меня въ умѣ мелькаютъ подозрѣнія относительно пешаверцевъ, преслѣдующихъ здѣсь, повидимому, не однѣ только торговыя цѣли, въ дверяхъ показывается сѣдой старикъ, очень скромно, даже бѣдно одѣтый. Это, оказывается, «хозяинъ каравансарая, богатѣйшій человекъ не только Куляба, но и всей Бухары, владѣлецъ многихъ земель и каравансарая въ различныхъ городахъ, купецъ, ведущій громадную торговлю съ Россіей, Афганистаномъ и Персіей», какъ тутъ же объяснилъ мнѣ губернаторскій переводчикъ. Онъ и привелъ его сюда для того, чтобы старикъ, какъ хозяинъ помѣщенія, уговорилъ пешаверцевъ сбавить немилосердно запрашиваемыя цѣны. Старикъ снялъ у входа свои старенькія туфли, опустилсѣ на колѣни подлѣ торгующихъ и началъ уговаривать купцовъ уступить. Сначала онъ ихъ увѣщевалъ, что называется, добромъ, указывалъ на слишкомъ высокія назначаемыя ими цѣны, говорилъ что-то о гостепріимствѣ, объ уступчивости, какъ чертахъ, особенно присущихъ правовѣрнымъ. Купцы упорно стояли на своемъ и твердили, что эти монеты они свезутъ къ себѣ на родину, гдѣ у нихъ ихъ купятъ за хорошую цѣну «инглізы».

— У инглізовъ много денегъ,—твердили они и не безъ ироніи прибавляли:—чѣмъ мы виноваты, если русскіе господа такъ бѣдны, что не могутъ заплатить, сколько мы просимъ?

Постепенно старикъ разгорячался и возвышалъ свой голосъ, наконецъ, пришелъ въ такой азартъ, что схватилъ хозяина лавки, небольшого смуглаго пешаверца, за бороду и закричалъ громовымъ голосомъ, чтобы онъ продавалъ «негодныя деньги» за столько, сколько даютъ. Но тутъ вступились Якубъ, губернаторскій переводчикъ и остальные купцы и поспѣшили уговорить не въ мѣру расходившагося бухарскаго креза. Кончилось все дѣло тѣмъ, что г. Н. предложилъ пешаверцамъ прійти подъ вечеръ къ намъ и тамъ сторговаться.

Оставивъ г. Н., Якуба и переводчика ходить по базару, идущему къ себѣ. На одной изъ улицъ подошелъ откуда-то взявшійся одинъ изъ нашихъ каратегинцевъ, Мулла-Нозиль. На пути заглянули съ нимъ въ мастерскую «фагфурчй», т. е. мастера, занимающагося починкою фарфора. Въ углу его помѣщенія, отъ пола до потолка, огромная груда битаго фарфора. Здѣсь осколки и китайскаго эмалированнаго фарфора, и глазурь знаменитыхъ бомбейскихъ чайниковъ, и скромный фарфоръ отечественныхъ Матвѣевъ и Ивановъ

Кузнецовыхъ. Способъ починки, или, вѣрнѣе, составленія заново разбитой посуды весьма оригиналенъ. Мастеръ тщательно собираетъ всѣ осколки и скрѣпляетъ ихъ поперечными тонкими мѣдными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требуетъ много терпѣнья и навыка. Вещь, починенная такимъ способомъ, никогда не развалится, какъ склеенная, и не пропуститъ жидкости. Бухара особенно славится этого рода искусствомъ. Разбитая и скрѣпленная описаннымъ способомъ фарфоровая посуда расходуется отсюда по всѣмъ странамъ Азіи, отъ Персіи до границъ Китая.

У «фагфурчи» встрѣтили одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ, съ которымъ и отправились восвояси. Проходя одною изъ улицъ, мы были вдругъ поражены раздавшимся откуда-то нечеловѣческимъ крикомъ. Завернули туда, откуда неслись вопли, и глазамъ предстала не совсѣмъ обыкновенная картина. Среди пустынного переулка, почтеннаго вида старецъ немилосердно лупилъ палкою какого-то подростка. Юнецъ оралъ благимъ матомъ, но, какъ истый сынъ раболѣпнаго Востока, не старался убѣжать, а смиренхонько стоялъ и только оралъ и оралъ все громче. Его крики разносились по переулку, но не привлекали ничьего вниманія. Лишь мѣстами кое-гдѣ изъ-за полупритворенныхъ дверей «хона» высматривали нѣкоторыя фізіономіи и видимо любовались этою экзекуціею. Палка же старца продолжала съ еще большимъ ожесточеніемъ взвиваться надъ отрокомъ и поучать его бока и спину. Изъ устъ видимо разгнѣваннаго «учителя» срывались какія-то отрывистыя восклицанія, по всей вѣроятности, назидательнаго характера. Увидѣвъ эту сцену, должно быть, хорошо ему извѣстную, «джевачи»¹⁾ повернулся ко мнѣ съ разочарованнымъ видомъ и сказалъ:

— Пойдемте, «тюря», особеннаго ничего нѣтъ.

— А это что же происходитъ?—спросилъ я.

— Раису-ш-шаріать,—лаконически отвѣтилъ джевачи.

Это по-русски означало «блюститель закона», чиновникъ, неопустительно смотрящій за точнымъ исполненіемъ среди населенія всѣхъ предписаній шаріата. Эта давно позабытая должность на мусульманскомъ Востокѣ возродилась въ Бухарѣ вновь при зилотствующемъ эмирѣ Маасумѣ и существуетъ здѣсь до сихъ поръ.

— За что же это онъ бьетъ мальчика?—спрашиваю я.

— Да, навѣрное, мальчикъ попался раису-ш-шаріать на встрѣчу, послѣдній спросилъ его, знаетъ ли онъ молитвы. А мальчикъ оказался незнающимъ, ну, вотъ палка послушанія и застучала по его невѣжественной спинѣ.

— А что же никто не заступится за него? На улицѣ ни души не видно.

¹⁾ Одинъ изъ низшихъ гражданскихъ чиновъ въ Бухарѣ.

— Да развѣ это возможно? — удивился такому наивному вопросу нашъ Виргилій.—Пускай раису-ш-шаріатъ его заставитъ знать молитвы, а то безъ боя развѣ дѣти будутъ что знать?

Да, кромѣ того, показаться народу мѣшаетъ страхъ передъ раисомъ. Спросить онъ, пожалуй, кого нибудь изъ закона, а тотъ и не знаетъ—палка тогда съ одной спины перенесется на другую.

На площади передъ аркомъ джевачи покинули насъ. Мулла-Нозиль указываетъ мнѣ на видѣвшееся влѣво низкое большое зданіе и говоритъ:

— Таксырь, тамъ живутъ дервиши. Не хотите ли пойти туда?

Горцу, вѣроятно, самому хочется посмотрѣть на этихъ своеобразныхъ мусульманскихъ отшельниковъ отъ міра: въ горахъ нѣтъ дервишей. Эти общины добровольныхъ бѣдняковъ и нестяжателей земныхъ благъ только принадлежность равнинной жизни.

Переходимъ черезъ площадь и входимъ въ длинную узкую уллицу, на которую выходило фасадомъ «текіе» (монастырь) дервишей. Большія ворота растворены, и мы входимъ чрезъ нихъ на просторный дворъ. Среди него двѣ раскидистыхъ чинары, подъ ними обширная, высокая глинобитная площадка; на ней группа людей въ длинныхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ кушаетъ пилавъ. Всѣ они умыты и бороды тщательно расчесаны. Это дервиши. Насъ встрѣтилъ высокій представительный старикъ въ ослѣпительно-бѣлой рубашкѣ и штанахъ, запряганныхъ въ сапоги. Такой же безукоризненной чистоты чалма обвивала голову. На поясѣ, которымъ онъ былъ опоясанъ, висѣлъ на ремешкѣ ключъ. Внѣшность этого старика была очень типична и весьма напоминала, по фізіономіи и костюму, зажиточнаго горца-таджика. Это былъ «пиръ», глава, начальникъ мѣстной дервишской общины. Ласково привѣтствуя насъ, онъ замѣтилъ на мое извиненіе, что весьма и весьма радъ видѣть чужестранцевъ.

— Вѣдь бѣдными дервишами не только иноземцы, но и мѣстные жители совсѣмъ не интересуются,—добавилъ пиръ и растворилъ низенькую калитку, ведущую въ садикъ, примыкавшій ко дворцу. Въ саду росли великолѣпные розовые кусты и находились длинныя грядки съ цвѣтущей резедой. Пиръ сорвалъ одинъ изъ пышныхъ розовыхъ цвѣтковъ, прибавилъ къ нему резеду и, поклонившись, просилъ меня принять «подарокъ дервиша».

Я взялъ эти нѣжно-благоухающіе цвѣты, «чистѣйшее проявленіе Божества», и, поблагодаривъ, продекламировалъ тутъ же пришедшіе мнѣ въ голову стихи величайшаго изъ дервишей, поэта Саади:

«Барки сабзист тухфай дарвиш¹⁾».

¹⁾ Лица, знающія персидскій языкъ, да не осудятъ меня за такое произношеніе. Я вѣдь читалъ это въ Бухарѣ, а по-таджикски такъ именно и слѣдуетъ произнести.

(Подарокъ дервиша только зеленый листокъ). Пиръ вздохнулъ и тутъ же докончилъ за меня:

Чи кунад бинаво? Амин дѣрад.

(Что же ему дѣлать горемычному? Онъ только это и имѣетъ).

Въ то время дервиши окончили обѣдъ и, вставъ, одинъ за другимъ подходили къ пиру, кланялись ему и привѣтствовали насъ съ Муллою-Нозилемъ. Показавъ пиру на дервишскіе атрибуты и рубища, развѣшанные на стѣнахъ двора, я спросилъ, развѣ дервиши не цѣлый день носятъ эти костюмы. Пиръ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ одѣяніяхъ они показываются только въ городѣ, за стѣнами своего жилища, и для поясненія этого продекламировалъ стихъ изъ Хайяма ¹⁾, что только тамъ

«Отъ насъ требуютъ желтое лицо, оборванное платьѣ».

Мало знакомый съ развитіемъ того своеобразнаго ученія мусульманскаго Востока, которое называется «суфизмомъ», я, къ сожалѣнію, не могу сказать, къ какой его вѣтви принадлежали мои гостепріимные дервиши.

Какъ религіозное ученіе, суфизмъ не самобытенъ: онъ возникъ подъ вліяніемъ идей греческихъ неоплатониковъ, учившихъ, что между Богомъ и людьми существуетъ цѣлая цѣпь существъ, которыя могутъ переходить изъ низшаго состоянія въ высшее. Понять этого нельзя однимъ разумомъ, поэтому необходимъ экстазъ. Черезъ сирійцевъ неоплатонизмъ перешелъ къ мусульманамъ.

Послѣдователи суфизма «суфи» учили, что Божество слито съ міромъ, во всѣхъ созданіяхъ Бога, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, проявляется Божество. Суфи, «люди прямого пути», цѣнили на свѣтѣ всѣ красивыя вещи, какъ проявленіе Бога; они поклонялись красотѣ во всѣхъ ея видахъ: восторгались луной, любили розу, цѣнили ея запахъ и т. п. ²⁾ Вино, какъ и всякое одуряющее средство (верченіе, табакъ и проч. ³⁾), они считали однимъ изъ физическихъ свойствъ уничтоженія сознанія, самости (мѣні), которое есть главный врагъ познанія Божества. Поэтому суфи употребляли и вино. Какъ люди богобоязненные, постоянно ищущіе единенія съ Богомъ и стремящіеся къ будущей жизни, суфи про-

¹⁾ Омаръ-Хайямъ—знаменитый персидскій поэтъ на основѣ суфизма (но съ большою долей нигилизма), астрономъ и математикъ, жилъ въ XI—XII вѣкѣ по Р. Х.

²⁾ У насъ, среди такъ называемой «большой публики, поэтическія произведенія гениальныхъ лириковъ-суфи: Хафизъ, Саади и друг., по недоразумѣнію понимаются въ буквальномъ смыслѣ, и выраженія въ родѣ: «традиціонная любовь соловья къ розѣ», слышатся на каждомъ шагу, когда въ обществѣ и литературѣ заходитъ рѣчь о восточной поэзіи вообще и персидской въ частности. Но соловей, роза, зефиръ, вино и опьяненіе, — все это символы, означающіе на таинственномъ языкѣ восточныхъ мистиковъ—поэтовъ: человѣческій духъ, Божество, время молодости, соединеніе съ Божествомъ и т. п.

³⁾ Благодаря чему существуютъ ноющіе дервиши, вертящіеся и др.

повѣдывали кротость и любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ, сочувствовали меньшей братіи, простому люду и, не стѣняясь, открыто обличали высшіе классы въ корыстолюбіи и жадности. Многие суфи увлекались идеаломъ суфизма и вели благочестивую жизнь, другіе же впадали въ крайность и становились попросту гуляками. Суфи жили въ монастыряхъ и просили подаваніе. Отъ ихъ обычнаго грубаго шерстяного рубища ¹⁾ произошло названіе «сұфи», такъ какъ шерсть по-арабски называется «сұфунъ». Такъ объясняютъ происхожденіе этого слова сами суфи, но, вѣроятно же всего, оно произошло отъ греческаго σοφός (мудрый).

Въ Бухарѣ, среди мѣстнаго населенія, послѣдователей суфизма называютъ просто «дарвіш», что значитъ «лежащій у дверей», т. е. бѣднякъ, словомъ же «сұфи» обозначаютъ всякаго студента медресе.

Разставаясь съ добрыми и словоохотливыми дервишами, я получилъ на прощаніи отъ пира тонкій листокъ индійской бумаги, на которомъ было написано какое-то стихотвореніе.

— Это будетъ всегда напоминать вамъ о бренности всего земного, — прибавилъ старикъ.

Оказалось стихотвореніе Саади ²⁾, — кажется, изъ его «Пенд-намѣ» (Книга совѣтовъ), — подъ названіемъ «О превратности этого міра», въ дословномъ переводѣ съ персидскаго оно поучало такъ:

¹⁾ Обычный уличный костюмъ бухарскихъ дервишей составляетъ доходящій до лодыжекъ грубый шерстяной халатъ (хырк), въ большинствѣ случаевъ темный, ноги босые, на головѣ — смотря по ордену, къ которому они принадлежатъ — или темныя остроконечныя шапки, опушенныя мѣхомъ, или чалмы иногда изъ черныхъ шерстяныхъ жгутовъ, какія носятъ арабы, или же головной уборъ отсутствуетъ и его замѣняетъ шевелюра длинныхъ, никогда не знающихъ гребня, волосъ. На лѣвомъ боку привязывается высокій, изъ особаго тыквеннаго растенія, кувшинъ (кузй) для воды и подаяній. На груди виситъ овальный сосудъ (кешкұль), сдѣланный изъ половинки кокосоваго орѣха и покрытый или рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ или разрисованный клеевыми красками, въ него собираютъ подаваніе пищи. У многихъ въ рукахъ имѣются продолговатые топоры и острые сѣкиры, насаженные на длинныя ручки. Они часто бываютъ украшены богатою серебряною насѣчкою въ формѣ змѣй, деревьевъ и проч., означающихъ символы Божественной мудрости, благодати и т. п. Нѣкоторые дервиши высшихъ степеней имѣютъ еще такъ называемый «камень спокойствія», четырехугольный, въ формѣ правильного квадрата (приблизительно въ дюймъ или нѣсколько болѣе каждое ребро), селенить, съ вдѣланною въ него круглою, съ орѣхъ величины, бирюзой. «Камень спокойствія» прикрѣпляется къ длинной шерстяной веревкѣ, которая и опоясываетъ туловище нѣсколько разъ, при чемъ самый камень приходится по срединѣ подобнаго пояса изображая собою какъ бы большую поясную пряжку.

²⁾ Шейхъ-Мослеходъ-динъ-Саади Ширазскій — одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ и учителей суфизма. И какъ лирикъ, и какъ дидактикъ, онъ равно великъ и превосходенъ. Шейхъ-Саади родился въ Ширазѣ или въ 1198, или въ 1175 году по Р. Х., умеръ же въ 1291 году по Р. Х. въ глубокой старости. Его «Голестанъ» (Цвѣтникъ розъ), «Бостанъ» (Фруктовый садъ) и друг. произведенія извѣстны съ дѣтства каждому образованному мусульманину и переведены на многіе европейскіе языки.

«Сколько было могущественныхъ царей,
Сколько героевъ, покорителей странъ,
Сколько дикихъ полчищъ¹⁾, губителей войскъ,
Сколько отважныхъ ратныхъ бойцевъ,
Сколько луноликихъ красавцевъ, крѣпкихъ, какъ букъ,
Сколько красавицъ съ ланитами, солнцу подобными,
Сколько славныхъ и баловней судьбы,
Сколько стройныхъ, какъ кипарисъ, и сколько было розоцѣкихъ,—
Которые, увы, изнасили рубашку жизни
И просунули головы въ воротникъ одежды праха²⁾,
Какъ шелуха зеренъ, разнеслись по вѣтру ихъ славныя имена,
И никто потомъ о нихъ не узналъ.
Итакъ, не привязываясь къ этому обольстительному дворцу наслажденій³⁾:
На него съ высоты небесъ льются лишь несчастья.
Сынъ мой, міръ не имѣетъ постоянства,
И потому эту жизнь скорбей не проводи безопасно!

У себя я засталъ пешаверцевъ: они на террасѣ передъ нашимъ помѣщеніемъ мирно попивали чай по-европейски вмѣстѣ съ моими спутниками. Ихъ было четверо. Одинъ, высокій мужчина предстательной наружности, былъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ. Расшитыя золотомъ туфли гостей съ высокими пятками и сильно загнутыми къверху носками стояли здѣсь же на террасѣ, недалеко отъ сидѣвшей за столикомъ компаніи.

Подхожу ближе и раскланиваюсь.

— А, османъ, миръ тебѣ!—привѣтствуетъ меня незнакомый пешаверецъ, очевидно принявъ меня за турка, благодаря бывшей на мнѣ фескѣ.

— Да будетъ и надъ тобой миръ!—отвѣчаю я этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ арабскимъ привѣтствіемъ и сажусь рядомъ съ нимъ за столъ.

У моихъ спутниковъ идетъ оживленный разговоръ съ гостями черезъ Якуба. Говорятъ объ Индіи и господствѣ тамъ англичанъ. Пешаверцы хвалятъ и страну, и мѣстное управленіе.

— Почему же вы не остались тамъ торговать? Вѣдь тащиться въ такую глушь, какъ Бухара, подвергать себя непріятностямъ окружающаго дальняго пути,—разъ чрезъ Афганистанъ не пропускаютъ,—платить на границахъ большія пошлины за товары,—это, сами согласитесь, безразсудно! Можетъ быть, вы ужъ очень хорошіе барыши отъ торговли берете?—спрашиваютъ ихъ.

— Какіе тамъ барыши?—отвѣчаютъ почти всѣ въ одинъ голосъ.—Привычка,—вотъ и торгуемъ. Дѣло давно здѣсь ведемъ, привыкли къ мѣстности и къ народу. А на родинѣ, знаете, повезетъ ли еще счастье?

¹⁾ Въ оригиналѣ стоитъ «тонд-корданъ», т. е. «грубые курды».

²⁾ То-есть они умерли и ихъ «схоронили—позабыли», какъ говоритъ Шекспиръ.

³⁾ То-есть къ этому міру, къ этой жизни.

— Такъ чѣмъ же вы живете? Свои капиталы вѣдь не охота проживать на чужбинѣ?—замѣчаютъ имъ.

— Да, вотъ,—отвѣчаютъ:—собираемъ здѣсь старинныя вещи, больше монеты, а въ Индіи у насъ ихъ покупаютъ англичане, такъ что иной разъ и хорошія деньги на этомъ зарабатываемъ.

— Да неужели здѣсь такую массу находятъ рѣдкихъ древнихъ монетъ, что продажею ихъ можно «хорошія деньги» заработать? Да кому же васъ здѣсь и много!—справедливо изумляются мои спутники.

— А отчего же не быть здѣсь рѣдкимъ монетамъ? — улыбнувшись, отвѣтитъ красавецъ съ матово-бѣлымъ лицомъ и, очевидно, желая прекратить этотъ не совсѣмъ удобный для себя разговоръ, полѣзъ за пазуху халата за древними монетами ¹⁾.

И пока мои спутники ожесточенно торговались изъ-за монетъ, у насъ съ высокимъ пешаверцемъ шелъ въ это время свой разговоръ. Мой собесѣдникъ оказался хорошо знающимъ древнюю исторію Ирана и выдавалъ себя за потомка послѣдняго персидскаго царя изъ династіи Сассанидовъ, Ездигерда III-го.

— Вы вотъ спрашиваете, почему я мусульманинъ, а не читель Зардушта,—говорилъ онъ.—Что же дѣлать? Не я виноватъ, а обстоятельства того времени, когда мои предки перемѣнили старую вѣру на вѣру Пророка. Вы думаете, при мусульманскомъ владычествѣ въ Индіи легко жилось парсамъ ²⁾? Помилуйте, такія были притѣсненія, что поневолѣ обратишься въ правовѣрнаго. Многіе, правда, изъ нашего народа принимали исламъ и по другимъ причинамъ, менѣе уважительнымъ,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:—хотя бы ради коммерціи.

— Да развѣ это похвально?—замѣтилъ я.

— А вы думаете—нѣтъ?—спокойно опарашилъ меня собесѣдникъ.—Напрасно. Персіянинъ, будь то хоть зардуштіи, хоть мусульманинъ, прежде всего—коммерческій геній, а потомъ ужъ послѣдователь своей вѣры. Знаете, чѣмъ живешь, чѣмъ кормишь себя и свою семью, съ тѣмъ и должно прежде всего считаться, то и нужно ставить на первомъ планѣ въ этой жизни.

— Ну, а для той-то жизни что останется?—насмѣшливо спросилъ я этого, повидимому, величайшаго радѣтеля о земныхъ благахъ.

— А кто же ту жизнь видѣлъ?.. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: «никто къ намъ не пришелъ ни изъ ада, ни изъ рая, чтобы сказать, что тамъ. И противъ этого ничего нельзя возразить».

— Это изъ Хайяма,—сказалъ я.—А если къ этому еще прибавить Хафизовское:

¹⁾ Эти пешаверцы, какъ мы узнали потомъ, занимались ростовщичествомъ и, вѣроятно, какъ и индусы въ Бухарѣ, брали съ своихъ должниковъ чудовищные проценты.

²⁾ Въ Индіи парсами называютъ послѣдователей Зороастра.

«Что мнѣ адъ, что мнѣ рай, что мнѣ люди и небожители?»

— Ахъ, какъ вы мудры, османъ!—отвѣтилъ мнѣ извѣтрившійся «потомокъ Назеджурда» съ тономъ насмѣшки.

— Какъ вы образованы, мой другъ!

Какъ же, думаю, не быть образованнымъ! Такими-то «стишками» меня еще на школьной скамьѣ поучалъ мой достопочтенный наставникъ, персъ изъ Испагани.

— И всѣ вы тамъ, въ Индіи, такихъ убѣжденій держитесь?—спросилъ я.

— Кто отъ благъ этого міра извлекаетъ пользу, тотъ иначе и не думаетъ, а кому ничего не надо, тотъ, пожалуй, не прочь сдѣлаться и строгимъ мусульманиномъ.

— И «ради благъ міра» не прочь прикинуться вѣрующимъ, если это будетъ полезно?

— Непремѣнно.

И пустился въ длинныя разсужденія на тему, что религія существуетъ только на бумагѣ. Приводилъ въ примѣръ англичанъ, проповѣдующихъ любовь къ врагамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣшающихъ и разстрѣливающихъ туземцевъ Индіи за ничтожныя, сравнительно, проступки, бралъ браминовъ, «святыхъ людей», ровно ничѣмъ не помогающихъ своимъ голодающимъ собратьямъ—индусамъ, и въ заключеніе обругалъ мусульманъ и самый шаріатъ за то, что послѣдній проповѣдуетъ ненависть къ невѣрнымъ. Этого де сдѣлать нельзя на практикѣ, особенно купцу: приходится вести дѣла и съ невѣрными. Барыши отъ нихъ получаешь, а тутъ говорятъ: ненавидь невѣрныхъ! Гдѣ же логика?

Совсѣмъ передъ вечеромъ пешаверцы ушли отъ насъ, оставивъ нѣсколько великолѣпныхъ монетъ и унеся взамѣнъ ихъ кругленькую сумму.

Послѣ ходьбы въ теченіе цѣлаго дня по жарѣ и пыли, усталость даетъ себя чувствовать, и до ужина растягиваешься на коврѣ подъ чинарами. Мимолетныя азіатскія сумерки ужъ близятся. Въ воздухѣ холодѣетъ, слабыя лучи заходящаго солнца освѣщаютъ послѣднимъ заревомъ верхушки гигантскихъ деревьевъ. Смутный гулъ доносится изъ города. Сѣрая мгла все болѣе кутаетъ окрестности, небо темнѣетъ, мѣстами въ немъ ужъ загорѣлись «Божьи очи», въ листвѣ деревьевъ зазвенѣли цикады, еще немного—и прозвучалъ азанъ, Азраиль ¹⁾ неслышно спускается къ грѣшной землѣ. Зовутъ ужинать...

Черезъ два дня, раннимъ утромъ, мы выѣзжали изъ Куляба. За городъ насъ провожалъ опять губернаторскій сынъ со свитою. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его, скакалъ съ боченкомъ воды

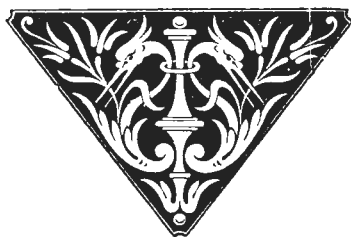
¹⁾ Азраиль—ангелъ сна и смерти, по вѣрованію мусульманъ.

въ новомъ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжномъ тюбанѣ тотъ самый туземецъ, котораго я видѣлъ въ тюрьмѣ заключеннаго за воровство. Ни рука, ни нога не были у него отрублены. Откупился ли онъ передъ мѣстными «справедливыми» судьями, была ли обнаружена его невиновность,—не знаю.

Передъ глазами развѣртывалась неоглядная и знойная бухарская равнина, и, казалось, не было ей конца и края...

А. А. Семеновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXVIII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

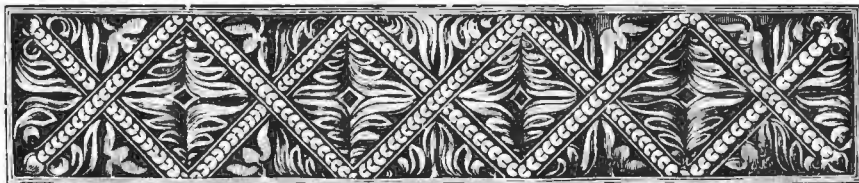

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

АПРѢЛЬ, 1902

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Путевые очерки 1898 года)¹⁾.

II.

Отъ Куляба до Сарая.

ПЕРВОЕ знакомство съ бухарской равниной за Кулябомъ производитъ безотрадное впечатлѣніе. До самаго «Чубека» (небольшого кишлака верстахъ въ 40—50 отъ Куляба) дорога все время пролегаетъ по голой, выжженной солнцемъ мѣстности. Солнце огнемъ жжетъ съ высоты голубого безоблачнаго неба, растрескавшаяся почва дышитъ зноемъ, въ раскаленномъ воздухѣ мелькаютъ будто огненные искры. Селенія совсѣмъ исчезли, на смѣну ихъ зеленымъ деревьямъ мѣстами одиноко чернѣютъ юрты кочевыхъ узбековъ и киргизовъ племени «катаганъ». Стада лѣнливо движутся и подбираютъ жалкіе клочья засохшихъ травъ.

И куда ни оглянись: справа и слѣва, спереди и сзади—всюду одна и та же унылая равнина. Лишь на полдорогѣ между Чубекомъ и Кулябомъ ее пересѣкаетъ невысокая гряда горъ; бѣлая пятна соли мѣстами выступили на ея скатахъ и ослѣпительно сверкаютъ на солнцѣ. Подъ самымъ Чубекомъ показывается обширная площадь яркой зелени, которая, какъ оазисъ, рѣзко вырисовывается на окружающей желтизнѣ.

Въ Чубекѣ находится русская таможня, гдѣ живутъ управляющій и офицеръ пограничной стражи съ своими подчиненными:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 961.

двумя таможенными чиновниками, 4—5 солдатами и татаринѣмъ-переводникомъ. Въ семейномъ кругу этихъ лицъ мы провели вечеръ 26 іюля впервые въ европейской обстановкѣ послѣ трехмѣсячнаго скитанія по дебрямъ Нагорной Азіи. Грустную исторію пришлось услышать отъ управляющаго таможеней и его сожителя офицера.

Занесенные только два мѣсяца назадъ въ эту глушь далекаго азіатскаго востока изъ разныхъ мѣстъ Россіи, первый изъ Пржевальска, второй изъ Таурогена, они плохо мирятся съ своимъ новымъ житьемъ-бытьемъ. Другой русскій цивилизованный мірокъ, Сарай, находится отъ нихъ въ 3-хъ дняхъ пути, поэтому общеніе съ нимъ бываетъ очень рѣдкое, кругомъ чалмоносцы—«аралашъ», съ которыми они ничего не имѣютъ общаго. Въ особенности растерялся поручикъ фонъ-К. Ему здѣсь все кажется такимъ ужаснымъ и дикимъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ представить, что въ такомъ мѣстѣ могли жить «культурные люди». Окружающая равнина, по его рассказамъ, «гибельнѣе и ужаснѣе, чѣмъ Сахара», невысокіе увалы, чрезъ которые ему иногда приходится переѣзжать, въ его передачѣ рисовались какими-то Гималаями съ головоломными подъемами и спусками и съ ужасными «до обморока» стремнинами. Вдобавокъ г. фонъ-К. вмѣстѣ съ женой и ихъ дѣвочкой болѣютъ все время мѣстной болотной лихорадкой, и ихъ смертельно-блѣдныя изнуренныя лица съ воспаленными глазами краснорѣчиво говорятъ, что дѣйствительно несладка ихъ жизнь.

— Зачѣмъ же вы ѣхали сюда въ эту дичь и глушь?—спросилъ я его.

— Представьте, знакомые подбили, расписали такими привлекательными красками эту проклятую страну, что мы повѣрили и поѣхали. Къ тому же соблазнили большіе подъемныя деньги: тысяча рублей.

— Ну, а жалованье-то?

— Да жалованья только на сто рублей больше того, что я получалъ въ Таурогенѣ. Теперь вотъ и живи здѣсь по закону цѣлыхъ три года, сейчасъ бѣжалъ бы отсюда, но нужно заплатить тысячу рублей, которые казна выдала на проѣздъ сюда. А средства офицера вы знаете какія?.. Вотъ положеніе-то!

Бѣдные люди! И это только цвѣтики для нихъ. Что же будетъ, если настанетъ суровая и лютая зима средне-азиатскихъ равнинъ? Выпадетъ снѣгъ, забушуютъ и засвистятъ буйные бухарскіе вѣтры и мятелы, подправленные тридцати-градусными морозами,—куда бѣжать отъ нихъ? Помѣщенія для чиновъ таможеннаго вѣдомства и пограничной стражи сложены самымъ примитивнымъ образомъ изъ сырцевыхъ кирпичей, лѣса нѣтъ, обожженнаго кирпича туземцы не дѣлаютъ, стѣны оштукатурены кое-какъ, печи невыносимо дымятъ, внутри страшная сырость и рѣзкій холодъ.

Управляющій таможеню, съ виду серьезный и положительный человекъ, не такъ тяготится новой обстановкой: вѣроятно, жизнь въ Сибири и въ такой глуши, какъ Пржевальскъ, приучила его смотрѣть на вещи проще. Весь досугъ, который онъ имѣетъ, посвящаетъ охотѣ, благо дичи здѣсь такое изобиліе, и чтенію, для чего выписываетъ много періодическихъ изданій. По его словамъ, русская таможня въ Бухарѣ, на границахъ Афганистана, возникла въ 1894 году, за право открытія пограничной линіи таможенъ русское правительство заплатило бухарскому эмиру 3 милліона рублей единовременно. Пошлина съ каждого товара, идущаго изъ Афганистана, взимается въ размѣрѣ 5⁰/₁₀₀ со всей его номинальной стоимости, этотъ поборъ идетъ въ пользу русской казны. Бухарцы же сверхъ того взимаютъ въ свою пользу еще 2⁰/₁₀₀, но обыкновенно такъ, что эти 2⁰/₁₀₀ бываютъ равны пяти, если не превышаютъ ихъ. Прижимки и вымогательства туземныхъ властей, очевидно, имѣютъ мѣсто и при сборѣ пошлинъ. Въ виду этого афганскіе купцы, провозящіе товары въ Бухару чрезъ русскія таможни, цѣлыми днями торгуются изъ-за пошлинъ, предполагая, что русскіе, какъ и бухарцы, всегда назначаютъ произвольную плату, и потому, если поупорствовать, то можно что нибудь и выторговать. Словамъ же таможенныхъ чиновниковъ, что размѣръ платы разъ навсегда опредѣленъ, никто не вѣритъ. Что касается доходовъ, то русской казнѣ ни одна мѣстная таможня, за исключеніемъ развѣ Керковской, ихъ не приноситъ. Годовой доходъ, напримѣръ, Чубекской таможни опредѣляется только рублей въ 500, тогда какъ ея содержаніе стоитъ гораздо дороже. Причину подобной вялой дѣятельности мѣстныхъ таможенъ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ плохомъ развитіи торговыхъ сношеній между Бухарой и Афганистаномъ. Политическія событія послѣднихъ лѣтъ надолго разъединили другъ отъ друга эти два государства-буфера. Недружелюбіе Англіи къ Россіи сказалось, и притомъ въ болѣе рѣзкой формѣ, и на взаимныхъ отношеніяхъ Афганистана къ Бухарѣ. Бухарецъ терпѣть не можетъ афганца, называетъ его не иначе, какъ «одамъ-гандъ» (негодный человекъ, мерзавецъ), и всячески старается избѣгнуть какихъ либо съ нимъ сношеній, афганецъ платитъ тѣмъ же. Кромѣ того, эта обостренность международныхъ отношеній дошла, какъ извѣстно, за послѣднее время до того, что ни одинъ туземецъ Бухары не имѣетъ права переступить афганскую границу, чтобы не быть «прирѣзаннымъ» (о русскихъ и толковать нечего)¹⁾. Справедливость требуетъ, между прочимъ, сказать, что

¹⁾ По этому поводу мнѣ вспоминается ходившее въ 1897 и 1898 годахъ среди пограничныхъ бухарскихъ властей извѣщеніе афганскаго эмира, Абдурахманъ-хана, для свѣдѣнія русскихъ туристовъ, что «всѣ благородные русскіе путешественники, которые придутъ въ Афганистанъ, будутъ пользоваться всевозможными удобствами и гостепріимствомъ въ странѣ, но, въ сожалѣнію, онъ, эмиръ Афганистана, не можетъ поручиться за ихъ жизнь». Это распоряженіе Абдурахманъ-хана было также извѣстно и многимъ русскимъ въ краѣ.

бухарцы все-таки допускаютъ къ себѣ афганцевъ. Всѣ эти обстоятельства сильно тормозятъ бухарско-афганскія торговыя сношенія. Теперь пока предметами торговли служатъ: скотъ, различное сырье, предметы туземной кустарной промышленности (ковры, паласы и проч.), отчасти хлѣбные продукты и нѣкоторые русскіе товары, чрезъ посредство бухарцевъ все болѣе завоевывающіе афганскій рынокъ. Особенно охотно покупается афганцами русскій ситецъ, преимущественно мануфактуры Цинделя, Прохорова и друг., а также хлопчато-бумажныя произведенія Саввы и Видулы Морозовыхъ. Дешевые, но гнилые ситцы англійскихъ фабрикъ все болѣе и болѣе признаются негодными въ Афганистанѣ. Пипущему это приходилось неоднократно слышать подобное отъ самихъ афганцевъ. Къ сожалѣнію, на предложеніе въ Афганистанъ другихъ русскихъ товаровъ спроса пока нѣтъ.

По словамъ бухарскихъ купцовъ, два продукта нашей промышленности могли бы имѣть тамъ, по крайней мѣрѣ, въ Сѣверномъ Афганистанѣ, громаднѣйшій сбытъ: это фарфоръ и спички. Афганцы не прочь бы покупать русскіе фарфоровые чайники и чашки для чая и спички, такъ какъ нашъ фарфоръ обходился бы имъ дешевле, нежели китайскій и англійскій, а русскія спички качествомъ оказываются лучше, чѣмъ англійскаго издѣлія. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи значеніе этнографическихъ свѣдѣній для торговыхъ цѣлей не скоро признаютъ наши фабриканты и детальное изученіе вкусовъ населенія, съ которымъ они ведутъ торговлю, его привычекъ, суевѣрій, любимыхъ цвѣтовъ и прочее, долго будутъ считать ненужной роскошью. Поэтому весьма аляповатые, съ безобразно напачканными рисунками, чайники Матвѣя и Ивана Кузнецовыхъ не нравятся афганцамъ. Они лучше отдадутъ лишнее, лишь бы пріобрѣсти себѣ по вкусу вещь китайскаго или бомбейскаго издѣлія. Производство же маленькихъ безъ ручекъ чашекъ для чая, изъ которыхъ пьютъ чуть ли не всѣ народы Азіи, повидимому, еще не пришло въ голову нашимъ фарфоровымъ фабрикантамъ. Русскій фарфоръ какъ не пошелъ въ Бухарѣ, такъ не идетъ и въ Афганистанѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ спичкахъ, преимущественно Лапилина. Онѣ не находятъ себѣ сбыта у афганцевъ потому, что послѣднимъ не нравятся слишкомъ простенькія желтыя коробочки, къ тому же на нихъ изображенъ «Левъ и Солнце», гербъ шіитской невѣрной Персіи.

Отъ Чубека до кишлака «Норхаръ» характеръ мѣстности измѣняется. Дорога мѣстами пролегаетъ громадными зарослями тростниковъ и камышей, скрывающихъ путника вмѣстѣ съ лошадью въ своемъ зеленомъ морѣ. Порою передъ глазами открываются блестящія озера, съ ихъ спокойныхъ водъ доносятся крики водяныхъ птицъ. Но вотъ заросли рѣдѣютъ, тростники и камыши какъ-то сразу исчезаютъ, и мы на берегу спокойныхъ и плавно льющихся

водъ величавой рѣки. То снова предъ глазами, давно съ Калаи-хума ¹⁾ исчезнувшій Пянджъ, но не узкій и бурный, какъ тамъ, въ верховьяхъ. Здѣсь—громадная площадь водъ, окаймленная съ одной стороны зеленѣющимъ берегомъ бухарской равнины, а съ другой ея стороны смутно вырисовывается изъ-за сѣро-голубой дымки далекаго зарѣчья гористый берегъ Афганистана. Ширь, мощный размахъ такъ и чувствуются во всей этой картинѣ. Зеленые острова и островки съ непролазными чащами кустарниковъ поднимаются изъ зеркальных водъ, деревья жмутся по берегамъ, деревья зеленѣютъ въ глубинѣ острововъ; медленно покойныя воды рѣки то извилистыми узкими рукавами, то широкими пространствами текутъ между острововъ, охватываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и своей сѣтью разнообразныхъ каналовъ бороздятъ всю эту безпредѣльную зеленую ширь необъятной равнины. Это дѣйствительно «Великая рѣка» («Аминъ-дарья», Катта-дарья»), какъ называютъ здѣсь Пянджъ мѣстные племена кочевниковъ.

Въ нижнемъ своемъ теченіи, послѣ принятія справа и слѣва многочисленныхъ и многоводныхъ притоковъ, Пянджъ дѣлается большой и широкой рѣкой, почему живущіе тамъ мои земляки, туркмены нѣкоторыхъ племенъ, называютъ его «Аминъ-дарья», т. е. великая рѣка, такъ какъ «аминъ» по-туркменски означаетъ вообще великій, старшій, значительный, начальникъ, старшина. И, вѣроятно, это названіе было сначала всеобщимъ, но нѣкоторые изъ туркменъ, отличающіеся грубымъ выговоромъ, исказили это слово въ «Амунъ-дарья», «Амбу-дарья», подъ которымъ извѣстенъ у нихъ Пянджъ въ нижнемъ теченіи. Говорятъ, что въ далекую старину его теченіе было не то, что теперь. Эта рѣка протекала чрезъ то мѣсто, гдѣ теперь Бухара, и тамъ, гдѣ сейчасъ находятся двѣ бухарскихъ мечети Магога, былъ страшный водоворотъ, причинявшій окрестнымъ жителямъ немало заботъ и безпокойства, отсюда «Аминъ-дарья» шла къ Ургенчу (Хивѣ) и сливалась по близости его съ Сыръ-дарьей. Но теченіе Аму-дарьи измѣнилось по случаю того, что пророкъ Хызръ,—да будетъ миръ ему,—придя въ Бухару и видя тотъ водоворотъ, ревъ и шумъ котораго пугалъ людей, отправился отсюда вверхъ по рѣкѣ, молясь Богу, чтобы Онъ отвелъ рѣку въ другое мѣсто, и Аллахъ услышалъ мольбу святого: приказалъ рѣкѣ итти по тому пути, по которому она сейчасъ течетъ, т. е. на Керки, Чарджуи и т. д.

Въ первый разъ мы услышали названіе «Аминъ-дарья» въ кишлакѣ «Сайодъ» случайно въ разговорѣ, спросивъ узбека, подававшего намъ чай: «какъ называется эта рѣка?» Узбекъ отвѣчалъ: «Катта-дарья» (т. е. Великая рѣка), при чемъ тутъ же въ видѣ

¹⁾ Калаи-хумъ, или вѣрнѣе Калаи-хумбъ—главный и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный городъ Дарваза, обширной бухарской горной области.

поясненія прибавилъ: «т. е. «Аминъ-дарья». Слова же «катта» и «аминъ» на узбекскомъ и туркменскомъ нарѣчіяхъ есть синонимы одного и того же понятія: великій, огромный. Впослѣдствіи, желая провѣрить это, мы неоднократно разспрашивали при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ узбековъ и туркменъ разныхъ родовъ, какъ они называютъ Пянджъ. И всюду ото всѣхъ слышали одно слово «Ами-дарья» (конечное и въ словѣ «аминъ» для сокращенія отбрасывалось). Когда же спрашивали, что значитъ «Ами», поясняли, что это слово (при чемъ отдѣльно его туземцы произносили полностыю «аминъ») значитъ «катта»—великій, большой ¹⁾).

Въ Порхарѣ пришлось впервые услышать рассказы о тиграхъ: ими да пантерами и леопардами кишмя кишатъ здѣшніе камыши. Бравый солдатъ—старшій изъ мѣстнаго пограничнаго поста, рапортовалъ намъ о набѣгахъ хищниковъ.

— Сначала эта самая тигра задрала у насъ корову. Наши солдатики вздумали было подстрѣлить тигру, а она замѣсто этого одного изъ нихъ разорвала. А ужъ ежели она отвѣдала человѣчины, такъ берегись... Ночью никто и на дворъ не выходитъ безъ ружья: все около бродить. Такая безобразная страна!

— Что же мѣстные-то жители смотрятъ? Устроили бы на тигровъ облаву, этакъ, вѣдь, житья, пожалуй, имъ нѣтъ отъ нихъ?—спрашиваемъ мы.

— Не могу знать,—отвѣчалъ солдатикъ,—но только ежели который изъ жителей встрѣтится съ тигрой, то сейчасъ ей поклонъ отвѣшиваетъ, ну, она и ничего, уходитъ и не трогаетъ его. Должно быть, слово какое знаютъ; а, можетъ, и потому, что здѣшній народъ самъ какъ бы въ родѣ тигры.

Пришлось поговорить о тиграхъ и съ мѣстными туземцами. Добродушные узбеки отнеслись къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Когда ихъ спросили, охотятся ли они на мѣстныхъ хищниковъ кошачьей породы, они отвѣчали:

— Нѣтъ, таксырь, развѣ человѣкъ одолѣетъ ихъ? Мы когда встрѣтимъ тигра или леопарда, сейчасъ же уступаемъ имъ дорогу, они и проходятъ.

— Да развѣ они не таскаютъ у васъ скотъ, вѣдь вонъ у солдатъ растерзали корову и человѣка?

— Мы, таксырь, ихъ не трогаемъ, потому они и насъ не трогаютъ и нашъ скотъ. И отъ отцовъ никогда не слыхали, чтобы тигры сдѣлали намъ какое либо зло. А что про солдатъ говорите, такъ тѣ первые вздумали охотиться на нихъ, ну, вѣдь, надо же имъ какъ нибудь защищаться...

¹⁾ Не понимаю, откуда взялъ Вамбери происхожденіе слова «Аму» отъ турецкаго «аму» (дядя). Если онъ былъ на берегахъ Аму-дарьи, то долженъ знать, отъ чего произошло названіе этой рѣки.

Не знаю, были ли мѣстные тигры трусливы, были ли признательны за свою безопасность, или же питали къ туземцамъ родственное расположеніе, потому что дѣйствительно «здѣшній народъ какъ бы въ родѣ тигры», но только вездѣ потомъ по аму-дарьинскому побережью приходилось слышать отъ туземцевъ подобный единодушный отзывъ объ этихъ хищникахъ.

Отъ Порхара почти до самаго Сарая дорога идетъ близъ берега рѣки опять по унылой, выжженной солнцемъ мѣстности. Мѣстами встрѣчаются невысокія горы, покрытыя фисташковыми деревьями. Налѣво, у рѣки, неширокая прибрежная полоса, сплошь заросшая разнообразной зеленью. Тамъ царство оленей, тигровъ, пантеръ, кабановъ и неисчислимыхъ стай пернатыхъ. На пути кое-гдѣ попадаются кочевья арабовъ. По рассказамъ послѣднихъ, они бѣжали сюда тридцать лѣтъ тому назадъ изъ Кундуза¹⁾, отъ притѣсненій афганцевъ.

Ближе къ Сарая дорога переваливаетъ черезъ небольшіе увалы и идетъ все время ужъ по обширной цвѣтущей равнинѣ. Сады и кишлаки разбросаны здѣсь и тамъ, табуны лошадей и стада скота бродятъ по тучнымъ пастбищамъ. Рисовыя поля занимаютъ большія площади вблизи болотъ и по окраинамъ мутныхъ и глубокихъ арыковъ. Преобладающее населеніе—полуосѣдлые узбеки племени «катаганъ»; большинство изъ нихъ опять таки бѣжало двадцать лѣтъ тому назадъ изъ Афганистана и по тѣмъ же причинамъ, что и арабы.

Верстахъ въ 15 отъ Сарая насъ встрѣтилъ сарайскій амлекдаръ со своими людьми. Это былъ высокій красивый таджикъ, по-видимому, нѣсколько тронутый «культурой». Отъ него сильно пахло духами пачули, и онъ то и дѣло подносилъ къ носу безукоризненно чистый носовой платокъ. Вещь совершенно неизвѣстная въ Бухарѣ! Къ тому же онъ хорошо произносилъ по-русски «здравствуйте», «какъ поживаете» и «прощайте» и зналъ по-французски «merci», «merci beaucoup». Видимо житъе въ Сараѣ среди русскихъ интеллигентныхъ лицъ не прошло для этого амлекдара безслѣдно.

Подъ Сараемъ, между всюду разбросанными кишлаками, слѣды древнихъ арыковъ, остатки стѣнъ заброшенныхъ селеній и наконецъ громадный курганъ «Мурза-Типа» (въ двухъ верстахъ отъ Сарая) съ явными слѣдами какого-то древняго города или крѣпости; теперь на этомъ курганѣ мѣстные жители хоронятъ своихъ покойниковъ.

Самъ Сарай лежитъ на берегу Аму-дарьи и представляетъ большой кишлакъ, населенный «аралашью», при чемъ узбеки, кажется,

¹⁾ Кундузъ одна изъ афганскихъ провинцій, лежащая по лѣвому берегу Аму-дарьи, центръ такъ называемаго Афганскаго Туркестана. Главный городъ Кундузъ, средоточіе дорогъ въ Китай, Персію, Бухару и Индію.

преобладають. Густая богатая растительность, широкая многоводная рѣка, прекрасный видъ на афганскій берегъ, гдѣ изъ-за горъ «Хаджа-Магомѣтъ» обрисовываются въ туманной дали снѣговые великаны Хиндукуша,—все это дѣлало бы Сарай прекраснымъ мѣстомъ для жилья, если бы не повальныя болотныя лихорадки, свирѣпствующія здѣсь почти круглый годъ. Этотъ бичъ и заставляетъ разочаровываться въ мѣстности каждаго, кто попадетъ сюда.

Въ Сарай находится русская таможня, живетъ подполковникъ пограничной стражи, военный врачъ и другіе, словомъ русское общество здѣсь представлено, сравнительно, многими лицами, и жить бы, казалось, можно сносно. Но достаточно взглянуть на этихъ интеллигентныхъ представителей Россіи, заброшенныхъ въ глубину Азіи, чтобы понять, какъ тяжелыя условія мѣстной жизни и полная неподготовленность къ ней наложили на нихъ печать какой-то тупости и полнѣйшей апатіи къ окружающему. И эта страдальческая жизнь забывается развѣ только по вечерамъ за неизбѣжнымъ, безцѣльнымъ винтомъ или въ жестокихъ пароксизмахъ мѣстной лихорадки.

Видно, что обязательный трехгодичный срокъ службы здѣсь не легко достается русскому интеллигенту. Мечтаетъ онъ у себя на родинѣ о большомъ окладѣ въ Азіи, о привольномъ житьѣ-бытьѣ на далекой окраинѣ и прочихъ благахъ, надѣется тамъ устроиться поудобнѣе и поуютнѣе, сколотить деньжонокъ и «опереннымъ и окрыленнымъ» возвратиться «въ Россію», а на дѣлѣ вполнѣ оправдываются двѣ мѣткихъ русскихъ пословицы: «славны бубны за горами» и «хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ». Отчего же все это происходитъ?—спроситъ читатель. Оттого, что любить человѣкъ «авось» и «небось», любить отправляться на новыя мѣста, очертя голову, не прочитавъ, не спросясь и не узнавъ точно, что за жизнь тамъ, и въ результатѣ «разбитыя надежды» и горькія разочарованія. То помѣщеніе изъ рукъ вонъ плохо, то ближайшая русская колонія и Божій храмъ находятся за сотню верстъ, то негдѣ во время достать необходимыхъ вещей, то лихорадки, то, наконецъ, окружающіе туземцы кажутся невозможными дикарями. Да вдобавокъ и люди-то идутъ сюда совершенно не знающіе Востока и его обитателей; каждый изъ нихъ въ правѣ перефразировать гамлетовское: «что мнѣ Гекуба, и что я Гекубѣ!» въ восклицаніе: что мнѣ Востокъ, и что я Востоку! И на этой почвѣ полнѣйшаго незнанія Востока, отсутствія къ нему всякаго интереса, проходитъ вся мѣстная русская жизнь, и происходятъ все сношенія здѣшнихъ русскихъ властей съ «халатниками-дикарями». Оттого и получается та «тоска-неволя», та горемычная жизнь-каторга, на которой такъ любитъ плакаться мѣстный чиновникъ каждому, залѣтившему сюда свѣжему человѣку «изъ Россіи».

Мы жили въ Сарай у мѣстнаго гостепріимнаго амлекдара ужъ двое сутокъ и помышляли о дальнѣйшей дорогѣ, какъ вдругъ за-

болѣли двое изъ нашихъ людей. Приглашенный докторъ И. нашелъ у обоихъ всѣ характерные признаки мѣстной болотной лихорадки: припухлость селезенки, повышенную температуру (39—40°), сильную головную боль, упадокъ силъ, ломоту во всѣхъ членахъ тѣла, обильную испарину и отсутствіе озноба. Больнымъ было прописано питье водки два раза нѣ день, усиленные приѣмы хинина и полное воздержаніе отъ фруктовъ и отъ питья сырой воды. Дня черезъ два они нѣсколько поправились, но были настолько слабы, что не могли сидѣть на лошади; рѣшили отправить ихъ съ большинствомъ багажа въ Патта-Хисаръ на каюкъ, который незадолго передъ тѣмъ пришелъ съ товарами изъ Керковъ и долженъ былъ пустымъ итти обратно внизъ по рѣкѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ туркменами-перевозчиками, запросившими сорокъ русскихъ рублей за каюкъ, сладились наконецъ что-то за семнадцать—двадцать рублей и отправили нашихъ больныхъ и багажъ по Аму-дарьѣ, а сами направились въ Патта-Хисаръ чрезъ Кабадіанъ.

III.

Чрезъ Кабадіанъ и Патта-Хисаръ въ Чарджуй.

Снова предъ глазами спаленная солнцемъ пустыня. Ни воды, ни травы, ничего нѣтъ. Лишь подлѣ самой Аму-дарьи небольшая полоса густой зелени рѣзко выдѣляется на общемъ безжизненномъ фонѣ окружающей равнины. Знойное солнце одиноко горитъ въ блѣдно-голубомъ небѣ. Тишина окрестностей невозмутима: не слышно ни голоса, ни крика, ни шороха. Кажется, будто все живое вымерло, и могильный покой и безмолвіе сковали окрестности. Иногда лишь увидишь ядовитую фалангу, перебѣгающую дорогу, да мелькнетъ передъ глазами стадо дикихъ козъ, стремительно убѣгающихъ въ даль,—и опять все та же безжизненность, то же смертельное однообразіе. Ни кишлаковъ, ни кочевовъ, ни табуновъ, ни стадъ... Только по берегамъ Аму-дарьи до самаго Патта-Хисара разбросаны русскіе сторожевые посты на разстояніи верстъ двадцати-тридцати другъ отъ друга. На каждомъ изъ нихъ живетъ по нѣсколько человекъ солдатъ пограничной стражи, безотвѣтно коротающихъ въ этой пустынѣ унылые дни. Днемъ страдаютъ отъ 55-ти градусной (по Цельсію) жары, вечерами же и ночью не находятъ себѣ мѣста отъ міриадовъ комаровъ и мошекъ, до самаго утра ни на минуту не дающихъ покоя человекъ.

А вѣдь было же, надо полагать, и у этой безплодной и унылой равнины лучшее прошлое, не искони она была такою. Слѣды старыхъ заброшенныхъ арыковъ,—памятники прежней заселенности этой пустыни,—пересѣкаютъ выжженную степь во всѣхъ направленіяхъ, верстахъ же въ шестнадцать отъ Сарая раскинулись развалины

древняго города Файзабада. Исполинскій насыпной холмъ, на которомъ, вѣроятно, находилась цитателъ, виденъ издали за нѣсколько верстъ; на верху этого холма и по его склонамъ разбросана масса глиняныхъ черепковъ. Если покопать немного почву, то можно наткнуться на слой пепла и мелкихъ углей; поэтому можно предположить, что сначала разореніе, а потомъ огромный пожаръ dokonчили существованіе города. Вокругъ этого бугра и дальше внизъ по рѣкѣ здѣсь и тамъ встрѣчаются невысокіе холмы, мѣстами, гдѣ ихъ размыли дожди, видны прослойки обожженного кирпича. Судя по правильному распредѣленію этихъ возвышеній, они должны быть слѣдами городскихъ улицъ. Во многихъ мѣстахъ по дорогѣ и въ сторонѣ, между холмовъ, опять то и дѣло попадаются черепки битой посуды. Разъ существовали здѣсь арыки, слѣдовательно была и вода, а «отъ воды живетъ все», говоритъ арабская пословица. Была здѣсь и растительность, были многолюдные города и села, были сады и нивы. Кто же такъ обезлюдилъ этотъ край, какой бичъ Божій пронесся опустошительнымъ ураганомъ по этой цвѣтущей равнинѣ и оставилъ послѣ себя смерть и разрушеніе? На эти вопросы окружающая пустыня и остатки бывшей здѣшней жизни не говорятъ ничего, молчатъ объ этомъ и лѣтописные источники, и устные преданія. Окрестныя племена на всѣ вопросы о томъ, что раньше было на этихъ пустыняхъ, твердятъ одно: «мы здѣсь люди новые, пришли сюда лѣтъ 20—30 тому назадъ изъ Афганистана, и что это за развалины, кто тутъ раньше жилъ,—ничего не знаемъ». Равнинная Бухара страшно богата такими памятниками погибшей цивилизаціи; всѣ они ждутъ своихъ археологовъ и историковъ и, очевидно, долго еще не дождутся...

Чистота и прозрачность окружающаго воздуха изумительны. Вонъ прямо передъ глазами призрачными очертаніями вырисовывается что-то огромное и вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, страшно далекое. Горы—не горы, замки—не замки... Подлѣ меня ѣдетъ загорѣлый типичный узбекъ, нашъ проводникъ изъ Сарая; спрашиваю его, что это виднѣется тамъ, вдали.

— Динау, таксырь,—лаконически отвѣчаетъ тотъ.—Вѣрнѣе горы, окружающія городъ Динау, лежащій отсюда верстахъ въ 120-ти.

— А вонъ, таксырь, Кундузъ—моя родина.

И узбекъ показалъ плеткой на афганскую сторону; тамъ дѣйствительно за виднѣющимися желтыми песками смутно чудится какая-то зелень, будто чинары уходятъ въ высь, изъ-за нихъ что-то блеститъ подъ солнцемъ. А отсюда до Кундуза верстъ пятьдесятъ ¹⁾.

¹⁾ Мудренаго ничего нѣтъ, что городъ замѣтенъ на такомъ разстояніи. Помимо прозрачности воздуха слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что правый берегъ Аму-дарьи, на которомъ мы находились, въ этомъ мѣстѣ выше лѣваго афганскаго берега на 1.000 футовъ.

— Гдѣ же лучше жить Ахматъ-бій: въ Кундузѣ или здѣсь?—спрашиваю я.

— О таксырь, Кундузъ—родина, а тутъ чужая сторона,—отвѣчаетъ мой узбекъ:—афганы, шайтанъ ихъ возьми, заставили насъ уйти оттуда и глядѣть на родину издали.

— Зачѣмъ же вы ушли оттуда?

— Охъ, таксырь, вы не знаете, какой злой народъ афганы! Что имъ понравится—все возьмутъ, ни съ чѣмъ оставятъ, а кто не нравится, тому... и Ахматъ-бій многозначительно провелъ пальцемъ по горлу.—Если и весь народъ не понравится—и народа всего не пожалѣютъ. Вотъ мы и бѣжали сюда... Говорятъ, таксырь, къ намъ сюда еще таджиковъ изъ Афганистана Хазретъ хочетъ поселить: тоже недавно бѣжали въ Бухару¹⁾.

Подлѣ Джилли-Куля (верстахъ въ 70-ти отъ Сарая) встрѣчается первая зелень и кочевья туркменъ, лѣтъ двадцать слишкомъ переселившихся сюда изъ-подъ Чарджуя и Керковъ.

Джилли-Куль—огромный, раскинутый на большомъ пространствѣ, туркменскій кишлакъ съ толстыми глинобитными стѣнами высокихъ домовъ. Вблизи селенія посѣвы пшеницы, кунджута, немного хлопчатника, гряды дынь и арбузовъ, обнесенныхъ также небольшими глиняными стѣнами. Дальше же, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ кишлака, слѣды недавнихъ посѣвовъ и забытые арыки.

По словамъ туркменъ, они на этихъ мѣстахъ сѣютъ злаки и огородные овощи чрезъ извѣстный промежутокъ времени: годъ здѣсь бываетъ посѣвъ, на другой годъ въ другомъ мѣстѣ, благо земли здѣсь много, а народа горсть. Вперемежку съ полями мѣстами видны цѣлые покинутые кишлаки: торчатъ стѣны домовъ, тянутся невысокія ограды садовъ и огородовъ и иногда одиноко стоятъ цѣлые, еще не успѣвшіе развалиться, дома. Эти селенія покинуты по одной только прихоти полукочевниковъ-туркменъ, не

¹⁾ По послѣднему памирскому разграниченію, происшедшему въ петербургскихъ и лондонскихъ кабинетахъ, намъ, или, вѣрнѣе, Бухарѣ, были, какъ извѣстно, отданы Шугнанъ, Рошанъ и небольшой клочекъ Вахана, страны, de facto и раньше этого принадлежавшія Бухарѣ. Отъ Бухары же былъ отрѣзанъ и отданъ Афганистану многолюдный и богатый край съ таджикскимъ населеніемъ—южный Дарвазъ, лежащій по лѣвую сторону Пянджа. Неистовства новыхъ хозяевъ южнаго Дарваза, афганцевъ, были причиною того, что началось чуть ли не массовое бѣгство мѣстныхъ туземцевъ въ Бухарскія владѣнія. Въ 1898 году, на глазахъ у пишущаго это, въ Бухару бѣжало 400 таджикскихъ семей изъ южнаго Дарваза; судя по ихъ разсказамъ, съ афганскими звѣрствами могли сравниться развѣ только турецкія злодѣяства надъ христіанскимъ населеніемъ Болгаріи и Сербіи въ минувшую русско-турецкую войну. По словамъ переводчика хисарскаго кушъ-беги, Рахматъ-Уллаха, бухарское правительство охотно относитъ этимъ бѣглецамъ мѣста для поселенія и, несмотря ни на какія требованія афганцевъ, рѣшило не выдавать ихъ послѣднимъ.

любящихъ заживаться слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ. Построить туркменъ на славу свой глинобитный «уй» (домъ), не чета убогому хона таджика, поживетъ въ немъ нѣсколько времени и броситъ его, чтобы гдѣ нибудь по близости опять построить такой же уй, который со временемъ опять бросится, какъ и первый. Природа врожденнаго кочевника сказывается и въ полуосѣдломъ тюркѣ, который лѣтомъ и въ домѣ-то совсѣмъ не живетъ. Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, когда окружающая равнина одѣнется зеленью, и почки деревъ начнутъ распускаться, туркменъ ставитъ по близости своего дома просторную кибитку съ рѣшетчатыми стѣнами, обтянутыми легкою тканью или камышевой циновкой и живетъ въ ней до самыхъ холодовъ, съ наступленіемъ которыхъ опять перебирается въ глинобитный уй.

Туркмены, живущіе вблизи Джилли-Куля, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Сѣютъ: пшеницу, ячмень, кунджуть, хлопкъ, арбузы, дыни и огурцы. Проса не сѣютъ: это—спеціальность таджиковъ и узбековъ. Поля передъ посѣвомъ унавоживаются и вспахиваются плугомъ, въ который впрягается пара воловъ. По уборкѣ хлѣбъ не свозятъ въ кишлаки (такъ какъ лѣтомъ не живутъ въ нихъ), а складываютъ на поляхъ въ большіе скирды, напоминающіе наши одоньи. Здѣсь же на полѣ разметають токъ и обмолачивають зерно, какъ и вездѣ въ Бухарѣ «чапаромъ», тяжелымъ длиннымъ бревномъ, которое таскають два вола. Муку мелють ручными жерновами. Для хлѣба идетъ пшеничная мука съ небольшою примѣсью ячменной; хлѣбы пекутся только на одинъ день и своей формой представляютъ плоскія, круглыя (четверти двѣ въ діаметрѣ) лепешки.

Хлопокъ, собираемый съ полей, идетъ на приготовленіе ткани невысокаго достоинства, которая служитъ исключительно только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Изъ кунджута, какъ и вездѣ, добываютъ только одно масло для освѣщенія, драгоценное же качество его волоконъ здѣсь совершенно неизвѣстно.

Производительная промышленность развита крайне слабо. Многія самыя необходимыя вещи въ домашнемъ обиходѣ приходится покупать или вымѣнивать на хлѣбъ и скотъ у сосѣднихъ таджиковъ, или въ близкомъ Кабадіанѣ, какъ, напримѣръ, глиняную посуду, выдѣлка которой среди туркменъ совершенно неизвѣстна. Помимо тканья мѣстной хлопчатобумажной матеріи, изъ шерсти, кромѣ обыкновенныхъ кошмъ, работаютъ паласы, ковры, хорджины и узкія дорожки (игыныбъ) для скрѣпленія рѣшетокъ кибитокъ. Окраска пряжи для этихъ издѣлій производится исключительно мѣстными растительными красками. Тканьемъ всѣхъ перечисленныхъ вещей занимаются женщины, большія мастерицы этого дѣла. Ихъ ковры и паласы отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ орнамента и ткутся съ особенною любовью и тщательностью, не-

смотря на очень кропотливую и долгую работу. Напримѣръ, на приготовленіе съ узорами паласа, длиною, приблизительно, аршинъ шесть и шириной около сажени, уходитъ времени мѣсяца два и больше.

Переночевавъ въ Джилли-Куль, мы отправились въ Кабадіанъ, лежащій отсюда верстахъ въ тридцати. Послѣ самаго Джилли-Куля пришлось переправляться черезъ быстрый Вахшъ¹⁾, или по-туркменски Вагышъ. Два неуклюжихъ плоскодонныхъ каюка стояли у заросшаго тростникомъ берега. Въ одинъ помѣстили лошадей, въ другой людей. Туркмены-перевозчики накинули четыремъ лошадямъ (по двѣ у каждой лодки) на шею арканы, привязанные къ кормамъ, и погнали лошадей на тотъ берегъ. Несчастныя животныя изъ силъ выбивались, борясь съ быстротою рѣки, арканы немилосердно терли имъ шен; вѣроятно, отъ частыхъ переправъ при такихъ условіяхъ у нихъ и произошли эти страшныя раны на шеяхъ.

Ближе къ Кабадіану встрѣчаются невысокія горы съ неглубокими долинами, ихъ обнаженные и голые склоны лишены почти всякой растительности и усѣяны камнями. Въ центрѣ этой гряды лежитъ большая пустынная равнина, сухіе стебли засохшихъ травъ скатались въ клубки и перегоняются вѣтромъ съ одного мѣста на другое по ея обширной глади. Заключенная среди горъ, эта равнина, не будь она такъ печальна, производила бы пріятное впечатлѣніе. Залюбовавшись ею, я окликнулъ ѣхавшаго впереди махрамъ-бека и шутя спросилъ его, нельзя ли купить у эмира эту мѣстность.

— Ахъ, тюръ,—засмѣялся махрамъ,—къ сожалѣнію, за деньги нельзя.

— А какъ же?

— У насъ пустырей не продаютъ, а отдаютъ даромъ, но съ условіемъ, что вы, взявъ участокъ, какой хотите величины, дадите обѣщаніе оросить его и засадить растительностью или покрыть посѣвами въ теченіе трехъ-лѣтняго срока. Если не выполните этого, участокъ у васъ отбирается, а если арыки проведете и кое-что посадите или посѣете, то земля навсегда ваша.

За равниной опять каменистыя, малопривѣтливныя горы (по близости здѣсь Пикъ-Федченко), черезъ нихъ мягкій перевалъ, съ гребня котораго видна блестящая извилистая лента р. Кафирнаганъ-даръй, изумрудная зелень ея прибрежья, развалины древняго города Кайкубада и утонувшій въ садахъ, широко раскинувшійся

¹⁾ Вахшъ, носящій въ верховьяхъ названіе Сурхоба, одинъ изъ значительныхъ притоковъ р. Аму-дарьи съ правой стороны. Его воды золотоносны, и туркмены, обитающіе въ низовьяхъ Вахша, и таджики Каратегина, гдѣ течетъ Сурхобъ, не безъ успѣха занимаются промывкою рѣчного песка.

Кабадіантъ. Тихо спускаемся съ каменистой горы, навстрѣчу намъ, снизу отъ города, несутся всадники въ яркихъ халатахъ, клубами поднимая пыль. Подѣхали къ встрѣчѣ, обмѣнялись крѣпкими рукопожатіями, перекинулись привѣтствіями и помчались всѣ вмѣстѣ къ городу. На пути, за развалинами, очень широкой и громадный арыкъ пересекаетъ дорогу ¹⁾, чрезъ него въ разныхъ мѣстахъ мосты. За арыкомъ—предмѣстья Кабадіана. Узкія улицы всѣ затянуты богатѣйшею зеленью, вѣтви чинаръ и платановъ выставились изъ-за заборовъ и протянулись надъ головой, листвою покрыты крыши построекъ, листвою перевиты столбы и коновязи вблизи хижинъ. Народу на улицахъ почти ни души, несмотря на вечеръ: всѣ, очевидно, въ поляхъ убираютъ хлѣбъ. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, повернули налѣво и сразу очутились на обширной площади, средину которой занималъ гигантскій холмъ; на немъ высились мощныя глинобитныя громады городской цитадели и вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторскаго арка. Изъ-за зубцовъ сторожевыхъ башенъ и изъ-за брустверовъ крѣпостныхъ стѣнъ виднѣлись разноцвѣтные тюрбаны, раззолоченныя тюбетейки и пестрѣли яркіе халаты, изъ-за мелкихъ рѣшетокъ неправильно разбросанныхъ оконъ бѣлѣли женскія чадры и мелькали плотно прильнувшія любопытныя женскія лица. Въ настежъ растворенныхъ тяжелыхъ громадныхъ воротахъ кишѣла многолюдная разноцвѣтная толпа. Очевидно, всѣ смотрѣли на насъ. Сбоку арка, на склонѣ холма—какія-то постройки, окруженныя глинобитными стѣнами, изъ-за которыхъ видна листва деревьевъ. Это «Ильчй-хона», т. е. посольское подворье. Мы поднимаемся вверхъ, издали раскланиваемся съ народомъ, стоящимъ около арка, и въѣзжаемъ чрезъ широко распахнутыя ворота на просторный дворъ Ильчй-хона. Предъ глазами развѣсистыя крѣпкоствольныя чинары, суетливая, галдящая толпа и длинное высокое зданіе съ рядомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Насъ ввели на веранду, провели чрезъ высокія, длинныя и узкія комнаты, устланныя коврами и съ нишами въ бѣлыхъ стѣнахъ, и мы очутились по другую сторону флигеля въ большомъ саду.

Тамъ и сямъ, между корней платановъ, карагачей и свѣчеобразныхъ тополей, журчали струи воды и бѣжали въ огромный бассейнъ среди сада, глинобитныя площадки со ступенями были разбросаны чуть не на каждомъ шагѣ, сплошь затянутыя дикимъ виноградомъ легкія бесѣдки виднѣлись между деревьями, дорожки были тщательно расчищены, утрамбованы, посыпаны пескомъ и по сторонамъ обсажены цвѣтущими кустами розъ, резеды и гіа-

¹⁾ Этотъ искусственный арыкъ, на многихъ картахъ изображаемый рѣкою, представляетъ собой каналъ длиной около ста верстъ, онъ идетъ почти все время параллельно рѣкѣ Кафирнаганъ-даръй, беретъ въ ней начало и впадаетъ въ нее, такъ что составляетъ какъ бы рукавъ этой рѣки.

цинтовъ. Видно было по всему, что садъ содержался въ большомъ порядкѣ. На одномъ изъ глинобитныхъ возвышеній, подъ тѣнью платановъ и чинаръ, длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ чайники съ чаемъ и водой, горы самыхъ разнообразныхъ фруктовъ и сластей и абрикосовое варенье въ банкахъ; вокругъ стола вѣнскіе стулья бр. Тонетъ. Ближайшее сосѣдство съ русскими колоніями ужъ было замѣтно по этимъ вещамъ. Только что усѣлись за столъ, какъ пришелъ возвратившійся изъ арка махрамъ-бекъ и сказалъ, что къ намъ идетъ кабадіанскій миръ съ визитомъ. Вотъ и онъ спускается съ веранды въ садъ, за нимъ разряженная свита человѣкъ въ десять. И по внѣшности, и по манерамъ кабадіанскій губернаторъ рѣзко отличался отъ всѣхъ раньше видѣнныхъ нами бухарскихъ мировъ. Это былъ высокій, очень хорошо сохранившійся старикъ, съ длинной сѣдой бородой и необыкновенно живыми выразительными глазами; вмѣсто обыкновеннаго, пестраго шелковаго или парчеваго, одѣянія на немъ былъ тяжелый, малиноваго бархата халатъ, отороченный золотымъ галуномъ, на головѣ чалма изъ индійской кисеи, въ рукахъ высокій рѣзной, изъ чернаго дерева, посохъ. Въ его обращеніи и манерахъ сидѣть и говорить совершенно не было той напускной важности и слащавой изысканной любезности, которыми такъ щеголяютъ мѣстные чиновники высшаго полета. Правда, и нашъ теперешній гость былъ весьма любезенъ и внимателенъ, но чувствовалось, что все это выходило у него совершенно натурально и не било ключемъ чрезъ край. По быстрой манерѣ говорить съ нѣкоторой жестикюляціей, по его привычкѣ не спускать съ собесѣдника глазъ, по его тонкому умѣнью вести интересную бесѣду во время пустяковаго официального визита, наконецъ, по этому частому употребленію въ разговорѣ арабскихъ словъ и реченій,—почти безошибочно можно было судить, что передъ нами находится одинъ изъ тѣхъ хитроумныхъ сыновъ Ирана, недюжинный умъ и изворотливость которыхъ сумѣли приобрѣсти имъ почетное и высокое положеніе даже въ суннитской Бухарѣ, издавна фанатически настроенной къ шиитамъ.

Посидѣвъ съ четверть часа, губернаторъ всталъ, и, извиняясь, что онъ не хочетъ мѣшать отдыху гостей, сталъ прощаться, по обычаю, прося подольше погостить.

Несмотря на то, что время было къ вечеру, я заглянулъ на мѣстные базары, такъ какъ въ Кабадіанѣ рѣшили только переночевать и ѣхать дальше. Скрытые ряды лавокъ, полутемные переходы и закоулки, занимавшіе большое пространство, во многомъ напоминали торговые ряды города Бухары; судя по оживленію многочисленной, волнуемой толпы, наводнявшей кабадіанскіе базары, глядя на эти разнообразные товары, разложенные въ мѣстныхъ лавкахъ, можно заключить, что Кабадіанъ представляетъ собой

весьма значительный торговый центръ. Изъ товаровъ больше всего преобладаетъ мануфактура (туземныя шелковыя матеріи и русскіе ситцы Цинделя и Морозовыхъ), байховые и зеленые чаи кяхтинскихъ фабрикантовъ и разнообразные предметы мѣстной производительности: кожи, сбура, фрукты свѣжіе и сушеные и проч. Среди торговцевъ, помимо таджиковъ и узбековъ, замѣтны бадахшанскіе таджики въ своихъ афганскихъ костюмахъ, неизмѣнные «яхуди» (евреи) съ традиционными пейсами и юркіе, слабосильные индусы.

Послѣдніе въ Кабадіанѣ и его окрестностяхъ занимаются, кажется, не только излюбленнымъ ими ростовщицествомъ, но и ремесломъ ювелировъ и продавцовъ древнихъ вещей; послѣднія они въ изобиліи находятъ въ этой обширной странѣ развалинъ. У одного изъ встрѣтившихся на базарѣ такихъ «заргаровъ» ¹⁾ мнѣ удалось пріобрѣсти за безцѣнокъ три весьма древнихъ серебряныхъ монеты временъ первыхъ вѣковъ мусульманской эры. Словоохотливый индусъ высказался, что «если поискать въ здѣшней землѣ, то много можно найти хорошихъ вещей и цѣнныхъ монетъ, за которыя всегда дадутъ хорошія деньги тѣ, кому эти вещи нужны»; по его словамъ, дома у него кое-что было, но такъ какъ мы уѣзжали завтра, а индусъ жилъ верстахъ въ 20 отъ Кабадіана, то мнѣ и не удалось посмотреть его «кое-что». Узнавъ, что мы предполагаемъ завтра ночевать въ кишлакѣ «Туркменъ», лежащемъ въ 30—40 верстахъ отъ Кабадіана, индусъ посоветовалъ обратить вниманіе на развалины города Бишкенда подлѣ этого кишлака.

— Тамъ,—говорилъ онъ,—находятъ много всего. Изъ найденнаго вы, саибъ, можете купить, что вамъ нравится, у одного изъ моихъ соотечественниковъ, тоже заргара: онъ живетъ верстахъ въ двухъ отъ Бишкенда. Пошлите за нимъ, саибъ: онъ увидится съ вами.

Вѣроятно, массу интереснаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи скрывали не только окружающія Кабадіанъ безчисленныя развалины, но и самый Кабадіанъ, неоднократно въ былые вѣка разоряемый и вновь возстановляемый, переходившій изъ однѣхъ рукъ въ другія, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ столько народовъ-владыкъ, сколько ихъ смѣнилось въ Средней Азіи во всю многовѣковую жизнь этой многострадальной страны. Стоитъ, на примѣръ, хотя бы обойти садъ при Ильчи хонѣ. Достаточно бѣглаго взгляда на его окраины, чтобы убѣдиться, что онъ разведенъ сравнительно недавно на мѣстѣ давно заброшенныхъ пустырей и развалинъ. Пройдя эти дорожки, минуя изящныя зеленыя бесѣдки, обвѣшанныя травянками, подлѣ изгороди, гдѣ тянутся виноградники, то и дѣло натыкаешься на какіе-то остатки старыхъ кирпичныхъ фундаментовъ, то и дѣло замѣчаешь различныя торчащія изъ земли черепки

¹⁾ Ювелировъ.

разноцвѣтнаго фарфора, какіе-то осколки глиняной посуды съ поливой нѣжно-голубого цвѣта, то, наконецъ, находишь цѣльныя глиняныя лампочки и дѣтскія игрушки. Судя по работѣ и матеріалу, эти остатки несомнѣнно принадлежатъ старому прошлому Кабадіана: теперь нѣтъ въ употребленіи ни здѣсь, ни вообще въ Бухарѣ, ни такого фарфора и глины, ни такихъ игрушекъ. Вѣроятно, и цитадель Кабадіана, въ которой мнѣ, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени не удалось побывать, тоже заслуживаетъ вниманія по своей древности.

На другой день, утромъ, мы выѣхали изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ. Переправившись на каюкахъ выше Кабадіана чрезъ Кафирнаганъ-дарью, мы отделились отъ прибрежной зелени и снова поѣхали знойной безотрадной степью внизъ по рѣкѣ. На полдорогѣ между Кабадіаномъ и кишлакомъ Туркменъ остановились отдохнуть въ одномъ узбекскомъ селеніи.

Встрѣтившій насъ за кишлакомъ мѣстный аксакалъ, одѣтый почему-то въ костюмъ нукѣра ¹⁾, т. е. въ халатъ, запряганный въ широкіе, на выпускъ, сафьянные штаны, затѣйливо вышитые шелками, и обутый въ сапоги съ высокими узкими каблуками, почему то не поладилъ съ нашимъ махрамомъ. Должно быть мзда, которую махрамъ собиралъ со всѣхъ встрѣчавшихся на пути начальствующихъ лицъ, показалась послѣднему на этотъ разъ слишкомъ мала, и потому, когда мы выѣхали изъ кишлака, то, къ величайшему своему удивленію, замѣтили, что расшитые штаны аксакала очутились на нашемъ махрамѣ, и ихъ бывший хозяинъ выѣхалъ насъ провожать только въ одномъ халатѣ. Правда, хорджинны махрама за все время нашего путешествія постепенно увеличивались въ объемѣ и наполнялись то ковриками для молитвы, то халатами и другими вещами, но чтобы эмирскій чиновникъ снималъ со встрѣчныхъ людей панталоны, это, признаться, мы еще видѣли въ первый разъ.

Кишлакъ Туркменъ, куда мы пріѣхали на ночлегъ, заселенъ «аралашью» и возникъ лѣтъ 30—40 тому назадъ, какъ передавали его обитатели. Бокъ-о-бокъ съ нимъ—прекрасно сохранившіеся остатки не то города, не то громаднаго замка Бишкѣнда. Высокая

¹⁾ Нукерами въ Бухарѣ называютъ разнѣдныхъ слугъ каждаго мира. Они не получаютъ никакого жалованья отъ своихъ начальниковъ, а пользуются извѣстнымъ надѣломъ земли. Въ Кулябѣ, напримѣръ, земельный надѣлъ каждаго нукера равняется десятинамъ 30, въ Кабадіанѣ же, гдѣ земли хотя и много, да толку въ ней мало, у нихъ находится годной для обработки земли десятинъ по 10. Ни государственныхъ податей, ни различныхъ поборовъ, съ нукеровъ не берутъ. Миръ даритъ имъ по три халата въ годъ и одинъ разъ въ два года эмиръ присылаетъ по халату. Переходить нукерамъ отъ губернатора къ губернатору воспрещается подъ страхомъ строжайшаго наказанія, даже если миръ переходитъ на службу въ другую провинцію и тогда онъ не имѣетъ права взять съ собой ни одного изъ своихъ нукеровъ.

толстая стѣна на возвышеніи, занимающемъ обширную площадь, видна далеко издали. Вокругъ нея глубокій ровъ еще понынѣ съ остатками воды. По легкому мостику черезъ ровъ, чрезъ величественную арку воротъ, проникаемъ во внутренность крѣпости. Тамъ обширные дворы, переходы, закоулки, валяются повергнутыя каменные колонны¹⁾, прочь отлетѣвшія отъ нихъ капители, кругомъ, занимая большое пространство, высятся хорошо сохранившіяся стѣны съ зубчатыми башнями и съ отверстіями для бойницъ. Куполообразные дома, разбросанные по всѣмъ направленіямъ, всѣ настолько уцѣлѣли, что въ нихъ и теперь еще можно жить. Большинство изъ нихъ внутри имѣетъ сводчатые высокіе потолки, прекрасно оштукатуренныя стѣны, сплошь украшенныя богатѣйшей лѣпною орнаментацией; въ нихъ каминны совершенно европейскаго образца. Какъ крѣпостныя стѣны, такъ и внутреннія зданія—всѣ построены изъ прекрасно-обожженныхъ кирпичей той несравненной выработки, которою отличается кирпичъ всѣхъ старинныхъ среднеазіатскихъ построекъ.

Подъ ногами, куда ни пойдешь, и въ домахъ, и внѣ ихъ, всюду пепель, лоскутья и обрывки какихъ-то матеріи или одеждъ, черепки посуды, кирпичи и глина. Ноги такъ и тонутъ въ этомъ. Повидимому, этотъ мусоръ, застилающій почву и полы домовъ, очень толстъ, по крайней мѣрѣ, сколько мы ни копали его съ туркменомъ, который сопровождалъ меня, не могли дорыться ни до земли, ни до пола въ постройкахъ. Это подлинно Авгіевы конюшни и не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Нигдѣ нѣтъ ни слѣда какой либо надписи, по которой было бы можно судить, къ какимъ временамъ относятся эти развалины. Спросилъ было своего сісегоне, но туркменъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Не знаю, таксыръ, мы поселились здѣсь недавно... Должно быть, таксыръ, кто нибудь здѣсь жилъ,—простоудушно добавилъ онъ.

Возвратясь съ осмотра развалинъ, я засталъ у своихъ спутниковъ, во дворѣ мѣстнаго аксакала, какого-то пожилого индуса. Оказался тотъ самый заргаръ-продавецъ старинныхъ вещей, котораго мнѣ рекомендовалъ на кабадіанскомъ базарѣ его соотечественникъ. За нимъ, оказалось, послали Якуба, и тотъ привелъ его. Индусъ продалъ нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ временъ арабскихъ халифовъ и различныхъ султановъ Трансоксаніи и выразилъ сожалѣніе, что у него много было и еще разныхъ монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, онъ ихъ теперь бы продалъ «санбамъ» за деньги, но года два тому назадъ онъ отдалъ ихъ въ долгъ

¹⁾ Только въ одномъ Бишкентѣ я и видѣлъ такія колонны, больше нигдѣ, во всей Средней Азіи, не приходилось встрѣчать ничего изъ камня: повсюду либо кирпичъ, либо глина.

одному «саибу» изъ Патта-Хисара, а «саибъ» этотъ и понынѣ не платитъ деньги. И индусъ вынулъ изъ-за пазухи своего балахона вдвое сложенный листокъ бумаги, оказалась росписка на сумму въ сто пятьдесятъ рублей, которую былъ повиненъ заплатить за взятые монеты индусу нижеподписавшійся. А нижеподписавшійся былъ «фонъ»... и далѣе слѣдовало такое словечко, которому бы мѣсто не на бумагѣ, а гдѣ нибудь на заборѣ. Къ роспискѣ была приложена большая сургучная печать.

— Я, саибы, ходилъ въ Патта-Хисаръ,—говорилъ индусъ:—и саибъ, который мнѣ долженъ, сначала сказалъ, что онъ уплатитъ деньги черезъ два мѣсяца, я пошелъ опять черезъ два мѣсяца къ саибу, но на этотъ разъ онъ меня прогналъ. А отсюда до Патта-Хисара, саибы, взадъ и впередъ такъ далеко, что мои старыя, разбитыя ноги едва добрали обратно... А я вѣдь ходилъ, саибы, дважды, и все понапрасну...

Выѣхавъ на другой день изъ Бишкенда, мы были застигнуты въ дорогѣ сильнѣйшимъ песчанымъ ураганомъ. Тучи мельчайшаго песку поднимались вѣтромъ на страшную высоту, со свистомъ кружились въ воздухѣ, застилая солнечный свѣтъ, и набивали песокъ въ ноздри, въ уши и во всѣ складки платья. Вокругъ слышался только ревъ и вой вѣтра, и царилъ какой-то полумракъ, воздухъ настолько былъ сухъ, что губы и кожа на рукахъ трескались до крови. Укрыться же было рѣшительно негдѣ: передъ глазами лежала одна ровная гладь песковъ съ проходящими по ней кое-гдѣ ложбинками и невысокими возвышенностями. Ни деревца, ни кустика не было видно, мѣстами лишь едва замѣтно высывались стебли занесеннаго песками саксаула. Чтобы поскорѣе добраться до ночлега, лошади сами, безъ понужденія, неслись впередъ, какъ бѣшенныя, среди окружающаго свиста бури и хлеставшаго въ лицо горячаго, раскаленнаго песку. Миновали смутно рисовавшіеся въ вихрѣ громадныя развалины «Хатунъ-Рабатъ», проѣхали верстъ восемь по дорогѣ, сплошь устланной черепками посуды, и наконецъ, къ своему удовольствію, увидали высокіе камыши и зеленые заросли и плавни Аму-дарьи. Доскакали, оказалось, до русскаго поста, гдѣ у гостепріимныхъ солдатъ умылись, переодѣлись и остались на ночлегъ, такъ какъ далѣе ѣхать было невозможно: песчаный жгучій ураганъ ревелъ все попрежнему.

Постъ былъ довольно значительный, на немъ жило человѣкъ тридцать солдатъ подъ начальствомъ фельдфебеля. Большинство изъ нихъ болѣетъ болотной лихорадкой и лежитъ въ лежку. По словамъ фельдфебеля, то и дѣло перебѣгающаго отъ койки къ койкѣ съ лѣкарствомъ, хины выходитъ страшно много, да и та почти не приноситъ пользы.

— Какъ воду пьютъ,—говорилъ онъ:—и то не дѣйствуетъ. Привыкли, надо полагать.

Въ комнаткѣ фельдфебеля, гдѣ мы пили чай, среди портретовъ государя императора, государыни императрицы и главнаго начальника пограничной стражи министра финансовъ (Г. Ю. Витте, была приклеена къ стѣнѣ большая лубочная картина, изображающая всѣхъ правителей свѣта. Нанъ махрамъ-бекъ такъ и впился въ нее глазами, пустившись въ разсматриваніе различныхъ коронованныхъ особъ; особенно привлекла его вниманіе покойная the queen Victoria.

— Ахъ, тюря, тюря,—качалъ головой махрамъ, слегка прищелкивая языкомъ:—что, вы говорите! Такой гордый народъ эти инглизы, и подчиняются женщинѣ... И мужа у нея не было? сама все время управляетъ царствомъ?

И когда я разсказалъ жизнь императрицы Викторин и сообщилъ вкратцѣ объ англійскомъ парламентѣ, махрамъ еще болѣе удивился.

— Какіе странные порядки у франковъ, очень странные, тюря, совершенно, какъ въ Кафиристанѣ¹⁾. Вы слышали, тюря, про эту страну? Тамъ никто не былъ, совсѣмъ никто, но всѣ, кто видѣлъ кафировъ въ Афганистанѣ, всѣ слышали отъ нихъ, что у нихъ тоже царствуетъ женщина-падишахъ, и собраніе есть, гдѣ государственный дѣла сначала обсуждаются, какъ слѣдуетъ, а потомъ ужъ доложатся царицѣ... Страшная и жестокая должна быть, тюря, эта царица инглизовъ: какую бы войну ея парламентъ ни рѣшилъ, на всякую она соглашается, и оттого-то, должно быть, много инглизы войнъ ведутъ; каждый годъ, говорятъ, воюютъ...

Бѣдная the queen! Такъ сердечно относившаяся къ людямъ вообще и такъ искренно желавшая всюду и вездѣ мира, думала ли она, чтобы ее кто нибудь называлъ когда либо страшной и кровавой?

Дорога къ Патта-Хисару отъ поста частью пролегла по пескамъ, частью по плодороднымъ мѣстностямъ, лежащимъ ближе къ упомянутой русской колоніи. Въ пескахъ опять встрѣчаются развалины, опять идутъ обширныя пространства, усѣянные всевозможными черепками. Среди мимоходомъ подобранныхъ нами есть глиняные черепки съ рельефными узорами, черепки разноцвѣтнаго ки-

¹⁾ Кафиристанъ—обширная горная страна въ Афганистанѣ, близъ Индіи. Она населена особымъ племенемъ, «болорами», какъ называютъ себя всѣ мѣстные туземцы. Такъ какъ болоры язычники, то среди окружающихъ ихъ мусульманъ они извѣстны подъ именемъ «кафировъ», т. е. невѣрныхъ; часто ихъ также называютъ «сію-пушами», что въ переводѣ съ таджикскаго значитъ: «люди, носящіе черную одежду». Благодаря политическій замкнутости этой страны отъ всѣхъ иноземцевъ (кафиры никого не пропускаютъ къ себѣ), до сихъ поръ о Кафиристанѣ извѣстно крайне мало. Извѣстнѣе, что эта страна управляется царицей, мнѣ приходилось много разъ слышать въ Бухарѣ и не отъ одного махрамъ-бека. Какъ рабы, кафиры цѣнятся въ Афганистанѣ весьма высоко за свою силу, ловкость и красоту.

тайскаго фарфора и наконецъ куски фаянсовыхъ тарелокъ и различныхъ сосудовъ съ прекрасно сохранившимися на нихъ куфическими письменами. Передъ Патта-Хисаромъ—плодородная цвѣтущая равнина съ обработанными полями и многочисленными кишлаками; вездѣ торчатъ небольшія глинобитныя башенки: стоя на нихъ, особые караульные криками и трещетками прогоняютъ съ полей и огородовъ стаи птицъ и стада кабановъ. Вперемежку съ кишлаками и полями, на однообразномъ фонѣ окружающей зелени и блѣдно-голубого неба, куда ни посмотришь, высятся справа и слѣва громадныя обезображенные остовы замковъ, дворцовъ, мечетей, гробницъ царей и водопроводовъ,—словомъ, цѣлое мертвое царство, обширная страна безчисленныхъ памятниковъ былой цивилизаціи. 3-го августа мы были въ Патта-Хисарѣ. Помимо туземныхъ властей насъ встрѣтили и тѣ двое нашихъ людей, которые отправились сюда изъ Сарая водою. Оказалось, что 199 верстъ отъ Сарая до Патта-Хисара они на неуклюжемъ какомъ сдѣлали меньше, чѣмъ въ двое сутокъ! Да при томъ ночь туркмены—перевозчики не ѣхали, а ночевали подлѣ берега. Быстрота теченія Аму-дарьинскихъ водъ говоритъ сама за себя: на то же самое разстояніе, но вверхъ по рѣкѣ, уходитъ, какъ было выше упомянуто, болѣе четырнадцати сутокъ.

Патта-Хисаръ представляетъ большое полутуземное, полурусское селеніе. Здѣсь находится главное управленіе корпусомъ пограничной стражи, таможня, православная церковь (при насъ строившаяся) и офицерское собраніе. Преобладающій контингентъ мѣстнаго русскаго населенія составляютъ, конечно, военные и чиновники таможеннаго вѣдомства, затѣмъ идутъ различные торговцы и рабочіе, по большей части, «восточные челоѣки» съ Кавказа. Не могу сказать, какъ проводится здѣсь жизнь мѣстной интеллигенціей: шесть дней, проведенныхъ нами въ «Патта-Хисарѣ», были сплошными днями страданій всѣхъ насъ (за исключеніемъ г. N) жестокими припадками болотной лихорадки, поэтому и не пришлось наблюдать здѣсь русскую жизнь. Думаю, однако, что помимо общаго недовольства «Азіей, дичью и вредоноснымъ мѣстнымъ климатомъ» все мѣстное интеллигентное общество живетъ, неособенно скучая. Въ офицерскомъ собраніи, куда мы заглянули въ первый же день нашего приѣзда, мы увидѣли на большомъ столѣ въ залѣ массу различныхъ журналовъ и газетъ за текущее время: всѣ почти были разрѣзаны и развернуты: очевидно, читались добросовѣстно. Большое количество захватанныхъ руками вѣнскихъ стульевъ, стоящихъ вдоль оштукатуренныхъ стѣнъ, показывало, что собраніе охотно и часто посѣщается.

— У насъ, знаете,—говорилъ намъ сопровождавшій насъ офицеръ—частенько происходятъ небольшіе балы. Музыка своя, танцоры и дамы также. Отъ скуки всѣ съ удовольствіемъ веселятся,

веселятся, какъ умѣютъ. Кто постарше или танцевать не хочетъ, засаживается въ винтъ или идетъ къ буфету... Словомъ, какъ и вездѣ, одно лишь скверно—лихорадки, и уберечься отъ нихъ никакъ нельзя... Вотъ, напримѣръ, нашъ докторъ К. и фуфайку носилъ и фрукты не ѣлъ, какъ пріѣхалъ сюда, а все-таки лихорадка его забрала, да еще какая. Стрѣлялся два раза хотѣлъ въ безпамятствѣ, но оба раза, къ счастью, его обезоружили...

Лихорадки, какъ видно, вездѣ здѣсь болѣе мѣсто.

Неподалеку отъ офицерскаго собранія находится часовня, рядомъ съ ней сооружается изъ кирпича небольшой храмъ. Возможность выстроить въ «Патта-Хисарѣ» церковь явилась лишь тогда, когда послѣдовало распоряженіе замѣнить всѣ мѣстные казенныя глинобитныя или изъ сырцовыхъ кирпичей зданія новыми кирпичными и болѣе просторными¹⁾. Мѣстный батюшка, единственный на всю длиннѣйшую цѣпь постовъ пограничной стражи, кавказскій уроженецъ, осетинъ по національности, своимъ положеніемъ, повидимому, не тяготится и легко переноситъ здѣшній климатъ. Его соплеменниковъ вообще здѣсь и въ прочихъ мѣстахъ по Бухарско-Афганистанской границѣ много, они предпочтительно предъ другими народностями охотно принимаются сюда на службу по большей части въ качествѣ переводчиковъ²⁾.

Изъ многочисленныхъ развалинъ подлѣ Патта-Хисара намъ пришлось, къ сожалѣнію, посѣтить только нѣкоторыя, именно: Термезъ и Гуль-Гуля. Осмотрѣть другіе памятники погибшихъ городовъ намъ помѣшала мучившая насъ всѣ дни лихорадка, при чемъ лично мнѣ удалось побывать только въ развалинахъ Гуль-Гуля. О нихъ я упомяну. Развалины города Гуль-Гуля лежатъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Патта-Хисара, занимаемая ими площадь

¹⁾ Около Патта-Хисара устроено нѣсколько громаднѣхъ пирамидальныхъ печей для обжиганія кирпича; на нихъ день и ночь работаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ.

²⁾ Это, замѣтимъ, дѣлается, вѣроятно, по недоразумѣнію. Языкъ осетинскій какъ извѣстно, только одного корня съ персидскимъ, но перс или таджикъ ни за что не поймутъ осетина, если же допустить, что тотъ или другой осетинъ владѣетъ азербиджанскимъ нарѣчіемъ турецкаго языка, то разговаривать ему съ узбекомъ все-таки весьма затруднительно, и пишущему это приходилось наблюдать, какъ тотъ или другой переводчикъ-осетинъ при разговорѣ съ туземцемъ прибѣгалъ или къ помощи жестовъ, или къ помощи другого переводчика, знающаго русскій языкъ и мѣстный. При извѣстной же пылости и необузданности темперамента осетинъ нерѣдки и ихъ довольно крупныя столкновенія съ мѣстными жителями, столкновенія, на которыя жалуются туземцы и которыя, со временемъ, пожалуй, приведутъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ для нарождающейся русской колонизаціи края.

Лучшими замѣстителями осетинъ могли бы быть наши татары: порукой въ томъ служить то, что татаринъ почти свободно понимаетъ узбека, и что, наконецъ, въ складѣ характера и темперамента у татарина болѣе выдержки, нежели у осетина.

громадна, но опредѣлить ее, даже приблизительно, не берусь, такъ какъ всюду по пустынь на десятки верстъ тянутся развалины. Гуль-Гуля ли былъ такъ огроменъ, или же по близости его были другіе города и замки,—не знаю. Что касается названія этого города, то оно въ переводѣ съ арабскаго значить: говоръ, шумъ (кыл-у-каль, или, по произношенію таджиковъ, галогуль), потому что, какъ говоритъ мѣстное преданіе, городъ былъ такъ великъ, что гомонъ на его базарахъ и улицахъ былъ слышенъ на той сторонѣ Аму-дарьи, въ Балхѣ, за 60 верстъ. Осмотрѣть всѣ остатки Гуль-Гуля въ день-два нѣтъ никакой физической возможности, а чтобы ихъ описать и изслѣдовать, для этого нужны годы. Тѣ нѣсколько часовъ, которые я провелъ въ Гуль-Гуля 4-го августа, пошли на осмотръ склепа, извѣстнаго у окрестныхъ кочевниковъ-узбековъ подъ именемъ «Султанъ-Саадатъ»¹⁾. Склепъ занимаетъ площадь въ нѣсколько десятинъ и издали могучими стѣнами своихъ зданій напоминаетъ крѣпость.

Внутри эта усыпальница имѣетъ скорѣе видъ дворца, нежели дома смерти: громадныя залы со сводчатыми потолками и лѣпной орнаментаціей, винтовыя лѣстницы, проходныя арки изъ помѣщенія въ помѣщеніе и изящныя рѣшетчатые окна поражаютъ путника на каждомъ шагѣ и говорятъ о былой счастливой жизни и минувшемъ могуществѣ въ этихъ мѣстахъ. Линіи безчисленныя низкія гробницы, правильными рядами наполняющія всѣ эти величавые великолѣпно сохранившіеся покои, говорятъ о томъ, что здѣсь—мѣсто вѣчнаго успокоенія многихъ поколѣній владѣтельныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ нигдѣ ни одной надписи, по которой бы можно судить, ктѣ здѣсь покойся. Только въ концѣ двора этого склепа, противъ главнаго входа, возвышается съ надписью величественный порталъ съ островерхой персидской аркой, онъ велъ, по всей вѣроятности, въ мечеть, отъ крыши которой нынѣ не осталось и слѣда. Арабская надпись вязью, остатки которой еще сохранились, окаймляла всю арку и была сдѣлана изъ цвѣтныхъ эмалированныхъ кирпичей; возможно, что подобными кирпичами были облицованы и всѣ наружныя стѣны усыпальницы: кирпичи съ цвѣтной поливой разбросаны въ большомъ количествѣ подлѣ нихъ. Справа арки уцѣлѣло: ...Султанату-с-Саидуль-Мухаммаду... (т. е. Султан-Саид-Мухаммедъ...), въ верху надъ аркой: Ассади-бни-Абиль-Хасани-Мухаммади-бни (Ассада, сына Абу-Хасана-Мухаммеда), и переходя на лѣвую сторону арки: Раббиль-Касыми-Аліи-бни-Абдуллахи-бни-Аби-Касыми-Аліи-бни-Мухаммадиль-Хасаниль (Рабби-Касыма-Алія, сына Абдуллаха, сына Абу-Касыма-

¹⁾ Слово «саадатъ» по-арабски есть множественное число отъ слова «саидъ», что значить: государь, начальникъ, а такъ же—потомокъ Пророка, слѣдовательно, названіе склепа «Султанъ-Саадатъ» должно перевести по-русски «усыпальница султановъ, потомковъ Пророка».

Алія, сына Мухаммеда-Хасана). Это, повидимому, «тарихъ», или дата, исчисляющая весь родъ того, при комъ построено, а, можетъ быть, только вновь отдѣлано все зданіе. Справа портала низкая деревянная дверь ведетъ въ громадное полутемное помѣщеніе, все наполненное гробницами; въ углу громадный саркофагъ изъ кирпичей, покрытыхъ зеленой глазурью. Вокругъ него идетъ мѣстами лѣпная глазурная куфическая надпись. Во многихъ мѣстахъ саркофагъ безобразно замазанъ глиной. По сторонамъ его, какъ и по сторонамъ арки портала, два высокихъ шеста съ конскими хвостами на нихъ и съ новыми доскутами краснаго сукна. Это сукно недавно привязалъ живущій здѣсь со своимъ маленькимъ внукомъ старый ишанъ (мулла). Мнѣ не удалось его видѣть,—онъ куда-то ушелъ, но то, что говорили про этого единственнаго обитателя мѣстныхъ развалинъ, заслуживало вниманія. Всѣми окрестными жителями онъ признавался за прямого потомка владѣтельныхъ султановъ, въ былые вѣка царствовавшихъ здѣсь. Не отрицалъ этого и ишанъ, тѣмъ болѣе, что свое происхожденіе онъ подтверждалъ цѣлымъ архивомъ различныхъ документовъ древнѣйшаго происхожденія. Эти бумаги онъ хранитъ далеко отсюда въ мѣстѣ, извѣстномъ только ему одному. Какъ-то забывъ самыя цѣнныя изъ нихъ, онъ отправился съ ними въ Бухару къ эмиру. Последній, рассмотрѣвъ ихъ и убѣдившись въ высокомъ происхожденіи ишана, приказалъ возвратить ему обширныя земли, когда-то входившія во владѣнія его царственныхъ предковъ. Но бѣда была въ томъ, что ишанъ былъ очень бѣденъ и ничего не могъ дать эмирскимъ сановникамъ и тому губернатору, въ провинціи котораго онъ жилъ, поэтому эмирскій приказъ остался безъ исполненія, и ишанъ продолжаетъ пребывать такимъ же нищимъ, какимъ былъ и прежде.

Дождавшись парохода изъ Чарджуя, мы отправили всѣхъ нашихъ людей на лошадяхъ въ Самаркандъ чрезъ Ширъ-абадъ, Якка-багъ, Шааръ и Китабъ, а сами, въ томъ числѣ Якубъ и Ходжа-Назаръ, сѣли на пароходъ и отправились внизъ по Аму-дарѣ въ Чарджуи.

Слѣдуетъ сказать, что всѣ товаро-пассажирскіе пароходы на Аму-дарѣ образуютъ такъ называемую боевую Аму-дарьинскую флотилію, ея назначеніе главнымъ образомъ служить для военныхъ цѣлей во время могущаго произойти столкновенія съ англо-афганцами. Всѣ мѣстные пароходики невелики и вооружены пулеметами, оснастка пароходовъ оставляетъ желать много лучшаго, прочность же вообще не совсѣмъ надежна, причина этому страшная быстрота аму-дарьинскихъ волнъ, которая даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Вверхъ по теченію пароходъ, идущій на всѣхъ парахъ, движется едва замѣтно, такъ какъ встрѣчное быстрое теченіе не даетъ ему хода.

При плаваніи же внизъ по рѣкѣ, пароходъ часто даетъ задній ходъ, чтобы мутно-желтыя волны бѣшеной рѣки не нагнали на мели и откосы. Благодаря этой постоянно усиленной работѣ паровъ, пароходы высматриваютъ какими-то разбитыми, скрипучими инвалидами. Второго класса совсѣмъ нѣтъ, есть только первый и третій.

Вмѣсто обычныхъ трехъ дней пути до Чарджуя, мы проплыли пять. Причина этому была та, что капитанъ нашего парохода нарочно хотѣлъ опоздать, такъ какъ въ это время въ Чарджуѣ долженъ былъ произойти смотръ всей аму-дарьинской флотиліи вновь назначеннымъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ С. М. Духовскимъ. Налетитъ гдѣ нибудь пароходъ на песчаную отмель и стоитъ цѣлые часы неподвижно; капитанъ, красный какъ ракъ отъ выпитой марсалы, апатично смотритъ на бурныя волны, команда, тоже подогрѣтая винными парами, горланить пѣсни или галантно любезничаетъ съ двумя «погибшими, но милыми созданіями», ѣдущими изъ патта-хисарскаго веселаго дома¹⁾ въ Керки. Для снятія парохода съ мели не предпринимается ровно ничего; дожидаются, пока благодѣтельные волны сами размоютъ мель и понесутъ пароходъ дальше на новую мель, гдѣ опять та же исторія. Въ Келифѣ же и Керкахъ простояли по цѣлой ночи; къ капитану собрались съ берега добрые друзья и знакомые, къ матросамъ также,—и пошелъ пиръ горой на всю ночь.

Правда, мы, лежавшіе въ каютѣ почти безъ памяти отъ лихорадки, были довольны этимъ медленнымъ подвиганіемъ къ Чарджую: на пароходѣ можно было покойно лежать, не то, что на ожидавшей насъ впереди желѣзной дорогѣ. Но двое мальчиковъ гимназистовъ, ѣхавшихъ чрезъ Чарджуя въ Ташкентъ послѣ каникулъ, по нѣскольку разъ на дню приставали къ капитану съ вопросомъ: «скоро ли мы доѣдемъ до Чарджуя?»

На это капитанъ всегда отвѣчалъ имъ словами одного изъ щедринскихъ персонажей: «погодите, доѣдемъ». И тѣ безропотно «годили» до самаго Чарджуя. Благодаря неумѣю и опытности въ опаздываніи, нашъ капитанъ пришелъ въ Чарджуя аккуратно на другой день послѣ осмотра генералъ-губернаторомъ флотиліи, избѣжавъ этой неособенно пріятной церемоніи.

Выѣхавъ изъ Чарджуя по желѣзной дорогѣ, мы на другой день 14-го августа пріѣхали въ «жемчужину міра»—Самаркандъ, откуда ровно три мѣсяца тому назадъ отправились на лошадяхъ въ горы Центральной Азіи.

А. А. Семеновъ.

¹⁾ Въ Патта-Хисарѣ имѣется и это учрежденіе.